

XXVI
СЪЕЗД
КПСС
И ЕГО
РЕШЕНИЯ

НЕТ НА СВЕТЕ
ВЫШЕ ЗВАНИЯ,
ЧЕМ РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК.

БЮДЖЕТ
УЧАЩЕГОСЯ
ПТУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПТУШНИК-2

ИННОКЕНТИЙ БЕЛОВ

Иннокентий Белов

ПТУшник-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70378594

SelfPub; 2024

Аннотация

Герой возвращается в тело самого себя на сорок лет назад и пытается прожить новую жизнь заново, кардинально меняя свое будущее. Кроме умудренных жизнью мозгов, других роялей в тексте пока не замечено. Много на себя не берет, СССР не спасает, Горбачева не душит в темном углу пыльным мешком. Для любителей СССР и хулителей этого социального строя – книга пишется по личным ощущениям автора от тех далеких времен, как он их сам помнит. За поправки, дополнения и подтверждения автор будет благодарен читателям.

Иннокентий Белов

ПТУшник-2

Название: ПТУшник-2

Автор(-ы): Иннокентий Белов

Ссылка: <https://author.today/work/259095>

Глава 1 КРАЙНЕ НЕУДАЧНЫЙ ВИЗИТ К ПОДРУГЕ

Теперь у меня распорядок размеренной деревенской жизни немного поменялся в связи с началом взрослых отношений с Катенькой, очень нежной внешне и достаточно просто мыслящей девушкой.

Если кто-то восхищается ее телом и настойчиво просит любви, то вполне возможно пойти навстречу пожеланиям, почти ничего не требуя взамен.

Похоже, что парни с городской окраины, где она выросла таким ароматным цветком, так настойчиво воспитали ее в скромности и безотказности, причем уже довольно давно.

Или она сама такая неприхотливая по жизни, рада всему, на что внимание обратят и когда что-то предложат?

Лучше в этом направлении мне умственно очень далеко не удаляться от внешности красивой девушки, иначе ценность моего завоевания сильно понизится в своих собственных глазах. Чувствую я это своим опытным сознанием весьма хорошо.

Была у меня в прошлом одна знакомая красотка, реаль-

но очень-очень эффектная брюнетка, с четвертым размером и бездной женского обаяния. Только вот мама, к большому сожалению, не научила ее себя хоть немного ценить. Постоянно одни наркоманы и ублюдки вокруг нее вертелись, даже первый муж, тоже боксер, сгинул от наркотиков. Потом и второй уже в Израиле таким же оказался, сплошной круговорот дерьма в природе. Вернулась потом обратно в наш город, в освободившуюся квартиру, мать даже не смогла сама похоронить из-за визовых проблем и нелегального нахождения за границей, встретил ее случайно на улице около своего фотоотдела и, что вы думаете, она мне первым делом сообщает?

Когда женщине уже под сорок лет и позади очень насыщенная личная жизнь?

Если уж к такому фантастическому телу не добавил Господь немного мозгов, тогда хотя бы опыт, сын ошибок трудных, должен чем-то по жизни помогать.

– Мужика себе нашла недавно, красивого, – помолчала со значением.

– Только что из тюрьмы вышел, за убийство сидел, – прямо с некой такой гордостью говорит.

Я прямо скривился от непроходимой очередной глупости, которая на твоих глазах творится вроде и неглупой по жизни женщиной.

– Лена, Лена! Что не дерьмо – все к твоему берегу! – так ей и сказал, даже не стал сдерживаться, пусть я не знаю ее

нового мужика.

Только что вышел, значит – ни кола, ни двора у него нет. И нужно ей снова в такие приключения залезать?

– Ну ты же сам не стал со мной жить! И на Новый год не пришел, а я себе платье новое пошила и тебя ждала, – совсем не по теме обиделась подруга, припомнив, как я довольно быстро дистанцировался от нее.

Я только рукой махнул, что тут скажешь. Женщина выглядит, как графиня, а ведет себя, как безотказная уличная давалка именно из-за того, что слишком добрая и не может поднять свою самооценку хоть на чуть-чуть. И все ее знакомые открыто говорят, что трахали ее и дальше собираются этим заниматься, с кем бы она не жила.

Стоит только настойчиво попросить, как следует.

Замучаешься весь город рогами бодать – это быстро понимаешь и отходишь в сторону из ее жизни.

Так и померла от того же героя из-за общей бессмысленности существования, а последний ее парень, который убийца в прошлом, еще успел соседке по общежитию ребенка заделать, чтобы создать новую семью. Работал вроде нормально и все равно – из колеи лично своей не смог никак вывернуть, быстро сбомжевался, денег приходил просить не один раз и пропал потом с концами.

Сложная штука – эта жизнь.

Рано утром я пропадаю на рыбалке, потом мы все, которые городские и свободные от деревенской работы, тусим на

берегу реки. Загораем, купаемся, одновременно ловим рыбу, играем в карты и болтаем о жизни. Деревенские иногда присоединяются к нам, только долго поддерживать светскую беседу не могут, начинают обижаться на нашу общую развитость и уходят.

Катю я сразу же на следующий день позвал к нам присаживаться, не обращая внимания на не очень довольные лица троюродной сестры и москвички Оксаны.

Когда она пришла на пляж, заметив, что тут жизнь кипит и веселые возгласы раздаются.

– Девушка! Как вас звать? Катерина! Присоединяйтесь к нашей компании! Других, хоть немного приличных сообществ здесь больше нет, нам городским лучше держаться вместе, – это намек, что местные деревенские парни могут только какую-то пошлость сказать и за сытную задницу грязной рукой схватить.

Не совсем все конечно так, нормальные парни по отдельности, однако менталитет у них разительно отличается от нашего.

Делаю такой невинный вид для всех остальных, что близко мы еще не знакомы с Катей.

Зато младший на два года брательник однозначно одобрил мое решение:

– Чего ей одной ходить здесь? И в карты веселее будет играть!

Сам с удовольствием рассматривает фигуру новенькой в

нашей компании, там есть на что посмотреть. Сама Катя ведет себя очень по-компанейски, общается со всеми ровно и не пытается как-то показать своей гораздо более созревшей фигурой, что старше остальных и явно больше уже в жизни сладкого и запретного попробовала.

Просто с интересом играет в карты и загорает рядом с нами, пользуясь тем, что деревенские редко сюда приходят днем, купаются на другом пляже.

Я, конечно, теперь больше не топлю ее как раньше в речке... поумнел со временем... самую малость...

Хорошо помню, что ближе к вечеру мы встречаемся наедине в том же самом месте, между первым и вторым ручьями на берегу. И там какое-то время до темноты занимаемся неторопливым и подробным изучением друг друга.

Меня от таких процедур кидает жар и холод, организм молодого парня готов на любые подвиги, дорвавшись до роскошного тела очень чувственной подруги. Даже мое взрослое сознание ничего не говорит мне осуждающего, настолько радуется тело и постоянно бодрый орган пятнадцатилетнего парня так по-взрослому выглядящему телу Катеньки.

Я заранее делаю пару подходов на отжимание перед приходом Кати, чтобы появившиеся мышцы увеличивались в размере и играли на теле. Лучше использовать все свои возможности выглядеть солиднее и взрослее, даже такие скромные. Тем более, что у подруги уже и так все по максимуму выросло и созрело.

Почему она так легко пошла на секс со мной? То есть, дала без особо долгих уговоров?

Отвечать на этот вопрос я взрослым своим умом не вижу смысла, понимаю, что ничего хорошего не услышу для себя в ответ.

Покрывало я завернул в клеенку, чтобы не промокало во время дождя, еще принес ватное одеяло и небольшую подушечку, чтобы голова девушку не лежала на твердой земле, не касалась корней деревьев, под которыми происходит пиршество свободной любви. Заниматься любовью на голой земле совсем не так удобно, как на пружинящей кровати, это я хорошо знаю по прежней жизни, поэтому стараюсь привнести необходимый комфорт в такие интересующие меня встречи.

Впрочем и девушка достаточно сильно удивлена моей опытностью, умением контролировать себя и нежностью в сексе.

Я у нее далеко не первый, судя по всему, однако предшественники, как я отчетливо чувствую, не очень баловали бывшую малолетку, больше о себе эгоистично заботились и своим удовольствием.

Еще из важного в деревенской жизни оказалось, что Оксана умеет играть на гитаре, каковая нашлась у моей сестры в доме, осталась от трагически рано умершего нашего брата. Теперь дает мне небольшие уроки, показывает аккорды, а я старательно повторяю их.

Если есть время выучить несколько аккордов, чтобы по-

лучить начальные познания в игре на гитаре – я этим воспользуюсь на всю катушку.

Однако понимать на слух, что она просит сыграть и повторить – получается у меня едва на двоечку. Девушка говорит, что мне желательно заниматься над развитием слуха, ибо с теперешним его состоянием мне слишком трудно обучаться игре на инструменте.

Что-то такое я сам понимаю, глядя, как она скептически она смотрит на мои потуги и говорит, что я сам должен на слух до всего доходить, а у меня никак не получается осознать, что от меня требуется.

Ясно, что придется мне позаниматься с настоящим учителем, чтобы хоть немного развить свой слух и поднять его на какой-то минимально допустимый уровень. Что так просто мне не получится попасть в рокеры и собирать полные стадионы поклонников.

Что же – буду иметь ввиду и понимать, что попотеть придется.

Теперь пытаюсь вспомнить одну из песен «Наутилуса», чтобы проверить, как работает моя память на то, что когда-то давно слышал, однако текст самой песни я ни разу не читал в печатной форме.

Напрягаю память по пять минут утром и вечером перед сном, пока никаких откровений не получаю, однако про ма-няк-а я думал почти каждый день четыре месяца подряд прежде, чем получилось что-то конкретное вспомнить...

Так что все выглядит не так просто. Только деваться мне некуда, если эта сверхспособность реагирует на прочитанный когда-то текст, тогда шансов на успешную карьеру рокера у меня значительно меньше.

Зато гораздо больше на то, чтобы стать популярным писателем, вспоминая все тексты книг, хотя и так в голове на пару бестселлеров разного материала наберется. Единственно, что сейчас для прохода в издательства придется переписывать книги по принципам социалистического реализма, который мне не так хорошо известен, то есть, вообще никак не знаком.

Хотя в принципе можно просто тупо провозглашать лозунги и бороться за освобождение трудящихся именно в заголовках глав, не углубляя далеко в суть содержания книги.

Впрочем, книги – тоже дело наживное, не обязательно коверкать законы жанра и читательского интереса, пытаюсь старательно угодить цензорам партии. Вполне можно написать какую-нибудь трилогию очень не спеша и приготовить ее к подаче в издательства к концу восьмидесятых годов.

И рокерство, и писательство я могу спокойно комбинировать с другими делами, зарабатывать деньги и жить полной жизнью, так что нет пока какого-то только одного верного пути в моей новой жизни. Пробовать буду все и так же смотреть, есть отдача или нет.

Через неделю у моей подруги начались обильные женские дела, теперь мне стало спокойнее, что она точно не залетела

от меня, хотя в этом я и так особо не сомневался.

Впрочем, дело это такое тонкое, с каждой женщиной или девушкой может получиться по-разному, стопроцентной гарантии от залета нигде нет. Тем более, что даже с изделием номер два отечественной промышленности, которое я не применяю сейчас.

После такого момента мы встретились еще раз на берегу, просто чтобы пообщаться, потом я уже забрал покрывало, одеяло и подушку домой.

Девушка уехала в город, я сам помахал ей рукой, когда родственник повез ее на мотоцикле с коляской обратно и еще задумался, почему родня разрешает ей гулять совсем одной до сумерек.

И заниматься тем, чем мы занимались вдвоем со всем удовольствием.

Ладно, это тоже не мои проблемы, отношения с родственниками моей подруги на одну неделю. Хотя она может приехать еще раз в деревню, как мне сама сказала.

Зато я договорился с Катей, что приеду к ней в город через три дня, зайду в гости днем на всякий случай, когда родителей не окажется дома.

Мои приятельницы, кажется, догадались, почему мы с Катей отсутствуем всегда вместе, однако я не ухаживаю за ними, так что предъявить мне нечего.

В назначенный день я взгромоздился на дорожный велик дяди и покрутил педали в город прямо через лес, взяв с со-

бой спортивную сумку с бобиной, выструганную на рыбалке дубинку из достаточно тяжелой ветки сухого дерева, еще все оставшиеся деньги лежат в кармане.

Мало ли, вдруг снова нарвусь на что-то французское в одном из магазинов по дороге?

Дубинка длиной примерно пятьдесят сантиметров, она с трудом влезает в сумку, не давая застегнуть ее молнию полностью.

В деревне, конечно, требуемого мне магнитофона ни у кого нет, у Оксаны есть кассетник, я подумываю переписать с бобины на кассету оба альбома, чтобы слушать красивую музыку вечером на реке.

– Конкретно я, однозначно, ступил, что не оставил себе одну трофейную кассету, зачем-то продал их все, – понимаю я про себя.

Хотя по большому счету хватит и одного альбома, музыка группы WhiteSnake явно уступает лучшим хитам Моррисона, с этим концертом можно не париться лишнего.

Конечно найти таких умельцев с нужной аппаратурой в городе вполне возможно, только я никого там не знаю, поэтому рассчитываю найти кого-нибудь через Катю.

Правда, она как-то так странно отнеслась к моему вопросу, так что я даже не понял, есть у нее такие знакомые или же нет.

Наверно, что есть, только мне лучше с ними не встречаться, как я сразу догадался по ее недовольному тону.

Девушка живет в районе Механического завода, я никогда не был в том районе и не очень представляю, как смогу найти ее дом.

Улица Машиностроителей, дом двадцать четыре, квартира два – вот что мне известно.

Когда я оказываюсь в районе Механки, я долго плутаю среди невысоких служебных домов и никак не могу найти нужный мне номер дома. Их нет в большинстве случаев на фасаде или уже совсем исчезающие цифры от выгоревшей на солнце краски.

Пара встреченных по дороге парней, примерно моих сверстников или немного постарше, очень заинтересованно смотрят на меня и новые кроссовки при фирменной футболке. Провожают меня взглядом, что я хорошо вижу, не стесняясь оборачиваться как бы в поиске нужного дома.

Ой, не нравится мне такое внимание, задницей чувствую, что лучше здесь не задерживаться так надолго, как я собрался провести пару часов у своей подруги. Район чужой, а реальные проблемы могут меня быстро найти. То есть, обязательно найдут, если надолго задержусь у Кати.

– Слишком нарядно я вырядился на встречу со своей зазнобой, мажорю тут голубыми адиками и футболкой, как бы не пришлось снимать все это с себя, – мелькнула первая опасливая мысль, однако я уже нашел у кого поинтересоваться адресом нужного дома.

Приходится прибегнуть к помощи местных старожилов в

виде двух бабулек, встреченных мной около разбитого садика при одном из домов.

– Скажите, пожалуйста, как мне найти дом номер двадцать четыре? – спрашиваю я у них.

Бабули долго совещаются между собой, так же внимательно рассматривая меня и потом одна из них, крупная такая бабка, вспоминает как можно найти нужный дом, только меня ее слова совсем не радуют:

– Клава, так это же тот дом, где Катька-шалава живет!

– А, точно! Она же там жопой во дворе постоянно вертит прохожим! – подхватывает ее слова вторая, достаточно благообразная старушка.

И они обе с интересом смотрят на меня, как с моего лица исчезает вежливая улыбка. Да, это суровый удар под вздох немного влюбленному в красивое тело подростку!

Задницей моя подруга и, правда, вертит замечательно и крайне аппетитно.

Первые же встречные бабки подтверждают именно то самое, что я и так подозреваю своим взрослым умом.

Что не какая-то необыкновенная благодать накрыла нас своим покрывалом, что не моя интересная личность так потрясла подругу и поэтому она не смогла отказать такому необыкновенному парню в самой такой малости, как раздвинуть перед ним ноги...

Как хочется думать всем нам, таким счастливым избранникам красивых и доступных девушек...

Все гораздо проще и жизненное получается, что я в принципе и так понимаю хорошо, однако прямо и жестко сказанные повидавшими виды бабулями слова убивают последнюю романтику в моей голове.

Бабуки рассказывают мне, как найти нужный дом в подробностях так и со значением, я трясую головой, запоминая приемы и делаю вид, что не интересуюсь этой самой шалавой.

– А к кому ты там идешь? – спрашивает крупная бабуля.

Ответить мне, конечно, нечего, поэтому я признаюсь, что иду к Катке.

– Напомнить Катерине, что она книги в библиотеку не сдала после учебного года, – так звучит моя версия.

– Ну, такая точно ничего не сдаст. Не до того ей, шалаве! – подтверждает мои слова вторая бабка, которая Клава, неодобрительно кивая головой.

Отойдя от бабок на пятьдесят метров, я вижу, как к ним тут же подходят те парни, которые внимательно рассматривали мой вызывающе заграничный вид, это назойливое внимание мне не нравится еще больше. Теперь они узнают точно, кого я здесь ищу и где меня ждать.

Не отстают от меня, что вполне понятно, среди такой тусклой местной жизни появился вполне себе яркий метеорит, как я позиционирую себя своими шмотками.

Не придется ли сейчас куда-то смываться со всей скоростью? И не пора ли это начать уже делать?

Через пять минут и несколько поворотов я нахожу дом,

где идентифицирую сушащийся на веревках во дворе знакомый голубой купальник, который я так уже хорошо научился расстегивать на загорелой спине в нужный момент.

– Значит, здесь живет Катенька, – понимаю я и останавливаюсь на секунду.

Мне уже не хочется заходить к ней, есть мысль вскочить на велик и работая педалями поскорее оставить позади противные откровения бабок и навязчивое внимание местных пацанов. Радужное настроение ожидания встречи испорчено грубой действительностью жизни, однако я не хочу признаться себе в таком разочаровании, что слова вредных бабок оказались правдой.

Еще можно отмахнуться от них, сказать себе, что это – обычное вранье, что бабки про всю молодежь так говорят из понятной зависти. И если я сейчас пройду мимо дома сладкой Кати, я признаю это самому себе, обесценю, так сказать, свое основное приключение лета.

Поэтому я с решительным видом завожу велосипед во двор, прислоняю его перед дверью на крыльце, потом стучусь в нее и жду несколько секунд, когда она откроется.

Открывает ее сама Катерина, в домашнем легком халате и видно, что она немного удивлена моим появлением.

– Привет, а чего ты приехал? – сразу же спрашивает она меня, намекая, что не очень рада моему появлению около своего места жительства.

– Так ты сама в гости приглашала, – отвечаю я и понимаю

по ее растерянному сразу виду, что она уже и позабыла про свои легкомысленные слова.

Или высказалась просто из вежливости, сама не рассчитывая на продолжение встреч в городе.

Да, она позабыла, а я, дурак, всерьез на них повелся...

– Да, только сейчас отец дома, зайти ко мне не получится, – объясняет она мне.

Однако и я и она уже видим эту же парочку парней, которые догнали меня после разговора с бабками. Теперь они вытягивают шеи из-за забора, чтобы рассмотреть, что тут у нас происходит.

Катя становится совсем насупленной, похоже, что ей очень не нравится сложившаяся ситуация, она уже готова спрятаться за дверь, однако ее все же настигает вопрос от одного из парней:

– Катя-Катерина, ягода-малина, кто это к тебе приехал? – таким блатновато-наглым тоном это сказано.

– Что за лопух тут к нашим девчонкам клеится? – подхватывает второй и я понимаю, что драться придется неизбежно.

Парни не сильно крупнее меня, однако их двое, а я еще и с великом, обычным дорожным, на него не вспрыгнешь и не рванешь с места, ему для хорошего разгона требуется метров двадцать расстояния. При любом сопротивлении моему отъезду со стороны парней мне не удастся разогнаться, как следует и просто уехать с района.

А это значит, что придется поступить сурово с обоими противниками. Которые стоят теперь в калитке и ждут, что я буду делать.

– Знакомый из деревни приехал, – отвечает девушка и приняв решение для себя, быстро закрывает дверь передо мной.

Да, вот такой фокус меня ожидает в конце поездки с наивной надеждой снова, как уже привычным делом заняться любовью с подругой на домашних перинах. Однако то, что казалось прекрасным в уединении на берегу, здесь под ярким солнцем и внимательно-враждебными взглядами местных парней кажется изрядной авантюрой с моей стороны.

– Вот ведь, и правда, какая бяда! – понимаю я про себя. – Нет, чтобы позвать в дом и познакомить с отцом, посидел бы в гостях, пока парни не уйдут.

Если конечно уйдут, а не соберут для встречи со мной большую толпу своих приятелей.

Впрочем, по интонации местных хулиганов мне кажется, что у них имеются основания или какая-то веская причина так спрашивать у Катеньки.

Наверняка, что кто-то из их знакомых крутит с Катькой, теперь я автоматически становлюсь врагом всему Мехзаводу. Наношу некое оскорбление местному авторитетному пацану и за это с меня можно спросить, а потом уже и поймать что-то.

А может и несколькими пацанам, не зря же ее здесь считают

шалавой, вполне возможно, что и эти парни знакомы с ней вполне близко.

А что с меня поиметь? Да есть чего.

Хотя бы фирменные кроссовки, они точно послужили притягательным магнитом для алчных мыслей местных парней, еще футболка с финским шрифтом, которую я сегодня тоже надел, чтобы выглядеть покруче перед своей уже бывшей подругой. Часто ловил заинтересованные взгляды местной молодежи за те несколько минут, проведенных в центре города. Да и в карманах еще почти сотня рублей осталось, так что мне много чего есть терять, помимо велосипеда. И в сумке еще два новых флакона туалетной воды того же YSL, забранные в том же универмаге на главной площади.

Хорошо, что парни пока ждут меня все так же вдвоем, рассчитывая обойтись без помощников и поделить самостоятельно все, что удастся с меня снять. Все же их двое, они на своей территории, рядом есть кого позвать на помощь если что пойдет не так, а я не внушаю им никаких опасений своим внешним видом.

Придется решать вопрос прямо сейчас, сначала попробую на кулаках разобраться, отвешу каждому из парней по челюсти и ходу отсюда. Проверенной гайки у меня с собой нет к сожалению, однако я не с пустыми руками в город приперся, к такой встрече с местными отчасти готов.

Дорогу назад я помню примерно, до плотины пара километров шоссе, я достаточно далеко забрался в район Меха-

нического завода и мне бы сильно желательно поскорее выбраться от этих служебных полубараков до основной дороги, с которой я поверну на плотину.

Я немного расстегиваю сумку на боку, выдвигаю конец дубинки из-за молнии, подхватываю велосипед и везу его в калитку. Делать здесь больше нечего, судя по показной негостеприимности подруги, опасющейся чужих глаз и сплетен.

За калиткой один из парней сразу же прихватывает рукой руль велика и не дает мне выкатить его полностью из двора.

– Ты кто такой? – этот борзый вопрос с приблатненной интонацией не застает меня врасплох.

Парни заняли позиции с двух сторон от калитки, так я попадаю под удар сзади в любом случае, к кому не повернусь. Если попробую протолкаться дальше.

– Человек божий, обшит кожей, – вполне правильно отвечаю я.

Сразу же оставляю велик в руках схватившего его парня повыше справа и, тщательно примерившись, бью кулаком в подбородок второго, стоящего со своей стороны слева от меня.

Парни, наверняка, собрались загрузить меня моей же неправотой, связанной с появлением около чей-то местной подруги, попробовать взять меня на испуг на языке угроз. Объяснить, как я неправ, что просто появился здесь, пока их двое. Но ведь скоро подтянется еще несколько местных, тогда разговоры закончатся, а мне придется много с чем рас-

статься.

И еще с присущим мне настроением постоянного победителя, что точно окажется неизбежно, если я начну сейчас долгие разговоры.

На местную милицию лучше не рассчитывать, что-то подсказывает мне, что приедет она не скоро, когда все местные ухари разойдутся с добычей по домам, а я останусь сидеть с разбитым носом на бобах перед Катиным забором.

Действовать нужно по законам городских джунглей и бить на опережение, пока местные не ожидают этого от меня.

Поэтому я начинаю первым войну, не ожидавший удара парень закачался и схватился за забор, подставился под еще один хороший слева, после чего упал на колени в состоянии потери равновесия и неплохого нокдауна.

– Ах, ты гаденыш! – услышал я справа.

Второй парень попробовал добраться до меня через раму велосипеда, не дотянулся каким-то достаточно умелым ударом до моей головы и тогда, бросив велик в воротах, обежал его. После чего сразу атаковал меня с ходу, довольно ловко приложился мне по скуле.

Голову я успел убрать в сторону, поэтому крепкий кулак скользнул большей частью мимо и задел плечо.

Видно, что противник тренированный и умеет бить. Понятно, что не просто уличный хулиган, скорее всего местную секцию бокса усердно посещает и так запросто мне с ним не справиться.

Глава 2 ДРАКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Да, оставшийся противник – жилистый парень повыше меня на ладонь и примерно моего веса, после полученного мной удара вскользь принял что-то похожее на небрежную боксерскую стойку. Еще махнул пару раз с хорошей скоростью и достаточным умением, не попав по мне, просто обозначая дистанцию, на которую мне лучше не подходить.

Понятно, что что-то парень умеет, забить его за десяток секунд не получится и на меня на мгновение накатила паника, сковывающая руки и ноги безнадежностью начатой лично мной драки.

Может парни и не полезли бы сами врукопашную, вполне возможно, что я сильно поторопился.

С таким умелым противником мне точно быстро не справиться, его с пары ударов не отправишь на землю, он возможно не уступает мне в драке, вон как руки выкидывает, как бы самому тут не приземлиться. Если он чистый боксер, тогда можно его зацепить за руку или за ногу, завалить на землю и там попробовать забить, однако лишнего времени на такие процедуры у меня точно нет.

Вскоре второй противник вот-вот оклемается, да еще с тяжелым великом разогнаться у меня не получится, даже поднять его лежащего за раму не выйдет. Сразу же нахватаюсь плюх с занятыми руками, поэтому выход у меня только один – вырубить противника не совсем нечестным путем с помощью приготовленного заблаговременно для именно такого

развития событий постороннего предмета.

Понятно теперь, что имея боксерское умение в руках одного из парней они совсем не рассчитывают, что я окажусь тоже боксером и смогу оказать серьезное сопротивление. Даже решусь напасть первым и уже вывести на какое-то время из боя более слабого соперника.

Думали, что отвесят мне пару зуботычин и пойдут делить честно снятое добро.

Тем более, что и повод законный есть по всем понятиям – забравшийся в чужой район попутавший рамсы мажорчик пристаёт к чей-то подруге, поэтому подлежит наказанию однозначно.

Еще и москвич, наверняка, таких никто по всей стране не любит, а в этом приволжском городе особенно.

Я тоже из стойки кидаю переднюю руку вперед, приседаю под просвистевшей в ответ двоечкой с обеих рук противника и выпрямляюсь уже ближе к парню, достав его выхваченной одновременно из сумки дубинкой сначала по лицу, а именно по носу. А когда он хватается за него, бью уже с удобной дистанции по голове, по самой макушке.

Противник молча валится, уже зажимаю голову, сейчас я искренне благодарен ему за проявленное мужество, за эту тишину. Второй пока еще не пытается встать, но уже поднял голову и смотрит на меня.

– Не кричит. Глаза еще смотрят в разные стороны. Не поднимает волну мщения от соседей и приятелей, однако, сколь-

ко именно продлится эта благословенная тишина – никто не знает, – а я могу ее самостоятельно продлить немного.

Добавляю ему по голове с ноги, когда возвращаюсь к велику, мне бегущие за мной свидетели во время долгого разгона совсем не требуются, а бить его дубинкой я пока опасаюсь. Хватит и одного такого потерпевшего с рассеченной головой и сломанным наверняка носом. Лучше не плодить легкие или средней тяжести телесные повреждения без особой на то надобности. Поэтому второй хулиган снова растягивается на траве под забором.

Боксера пришлось жестко вырубать, ему этот растянутый по времени спарринг в удовольствие в отличии от меня.

Тем более, что скоро зрители подтянутся с группой активной поддержки, а у меня совсем не останется возможности к отступлению без повреждений на лице и материальных потерь с унижительными воспоминаниями на всю жизнь.

Теперь дорога свободна, я не теряю времени, так же с дубинкой в руке подхватываю велик и резко стартую, разгоняюсь по максимуму. Взлетаю высоко над рамой, боясь промахнуться на адреналине мимо и грохнуться на гравийную дорожку, однако ничего такого со мной не происходит, теперь я налегаю на педали, разгоняя тяжелый дорожный велосипед.

Вскоре случился поворот за дом, поэтому я не смог оглянуться, чтобы оценить всю картину, оставшуюся позади меня. Пришлось рулить изо всех сил, чтобы удержаться на велике и не врезаться в кого-то еще.

Кто там уже успел подняться на ноги, много ли крови течет с головы пострадавшего парня – для того, чтобы полюбоваться плодами своих рук времени совсем не остается. Потом я выскочил на асфальтированную дорогу и понесся обратно в центр города, выкладываясь на педалях изо всех сил.

Есть у меня несколько минут или целая четверть часа, пока побитые парни не объявили тревогу, поднимая своих товарищей в погоню. Нужно использовать ее на полную, чтобы скрыться из поля зрения обиженного целого района города и оторваться от возможного преследования.

А преследовать меня могут на мотоциклах или тех же мопедах, так что на мускульной тяге я от погони точно не удеру. Не стоит на это и рассчитывать. Когда через десять минут я подлетел к плотине, я уже прикинул, что вот-вот сейчас за мной вслед кто-то может уже заводить мопед или мотоцикл, поэтому времени скрыться с глаз погони у меня не так много, как хотелось бы.

Догонять меня отправятся взрослые парни, если даже не отец или старший брат пострадавшего пацана, поэтому отбиться от них может не получиться совсем.

Добраться до выезда из города нечего и думать, поэтому придется пока прятаться в городе, на родном левом берегу.

Я пронесся по плотине, проскочил шлюз и, немного притормаживая, на скорости спустился с путепровода. После завода минеральных вод свернул на пустырь между заводом и первыми частными домами, проехал сотню метров, после

чего спрятал велосипед позади густых кустов, сам же занял наблюдательную позицию в них самих, хорошо спрятавшись за ветками.

Как я и рассчитывал примерно, через пять минут мимо пролетел мотоцикл «Минск» на большой скорости с двумя взрослыми парнями, за ним еще пропердел мопед с одним водителем помладше.

За мной это или не за мной – я проверять не стану, лучше дождусь здесь, когда они вернутся.

Если за мной, значит, отправились, Катеньку уже сурово спросили, откуда к ней такие нехорошие гости приехали, что бьют сурово по голове мирных ребят.

Впрочем, скорее всего, про это первыми узнали побитые мной парни, когда пришли в себя и принялись стучаться в дверь моей бывшей подружки, чтобы смыть кровь. И чтобы обвинить и ее тоже в случившемся беспределе.

И конечно, чтобы узнать, откуда приехал такой подлец, который не стал биться честно на кулаках с двумя бойцами сразу, а подлым ударом разбил до крови голову одному из парней. И по носу ему досталось очень не слабо.

Да и второму так же подло добавил ногой, стоящему в состоянии грогги на карачках.

Совсем не джентльмен, оказывается, Катькин хахаль, как наивно понадеялись местные пацаны.

– Хе, хе. Джентльмены водятся на берегах Миссисипи, а вот на берегах великой русской реки они долго не живут, или

живут не очень счастливо, — усмехнулся я про себя, ничуть не раскаиваясь в содеянном.

Выбор оказался простой — или страдать сразу самому, стать реально потерпевшим или бить на поражение и получить возможные проблемы на потом.

Узнав про мою деревню, естественно, что погоня отправится на левый берег и попробует меня нагнать или на асфальтированной дороге на Головино, или на проселке, по которому я добирался в город через лес. Мотоцикл махнет по асфальту, мопед по проселку, меня они не найдут нигде, так что скоро вернутся обратно, хорошо понимая, что я спрятался где-то в городе.

Это не так страшно. Мне тоже есть где отсидеться несколько часов, в сотне метров стоит дом еще одной родной сестры моей бабушки, где я легко могу пересидеть пару тревожных часов. Не светясь своими слишком приметными кроссовками на неприметном велосипеде на улицах города.

А спокойно попивая чай с плюшками, ведя разговоры и наблюдая за суетой из окна, благо дорога проходит всего в пятидесяти метрах от дома, а перед ним имеется большой пустырь, удобный для наблюдения за дорогой.

Надеюсь, что городские не попрутся мстить в деревню, не Казань здесь все-таки. Отпинать в своем районе заезжего мажора — это одно, а устраивать вылазку на территорию деревни — это совсем другое. Парни деревенские городских тоже конкретно недолюбливают, драться будут жестоко с приехав-

шими вершить самосуд.

Хотя никаких гарантий, что все закончится этой стычкой у меня нет, второму парню все же сильно досталось от меня и моей верной дубинки.

А он, наверняка, местный авторитет среди школьного возраста, руками хорошо машет, да и удар чувствительный у него имеется, насколько я узнал, слава богу, чисто в теории.

Я быстро добрался до дома родственников, катя велосипед рядом, чтобы получше слышать тарахтенье моторов мотоцикла и мопеда, закатил транспорт во двор, слушая непрерывный лай собаки на заднем дворе.

Родственники мои, бабушка, тетя и троюродный брат мне неподдельно обрадовались, я же сразу занял место для наблюдения, даже раскрыл окно, чтобы лучше видеть и слышать происходящее, прикрываясь кружевной занавеской.

Пока радовал рассказом о жизни нашей семьи родню, подробно и обстоятельно, мимо снова вместе вернулись с моих поисков, как я теперь точно догадываюсь, «Минск» с двумя парнями, мопед за ними следом пропылил.

Точно меня искали, вряд ли по какой другой okazji так катаются, да и по времени примерно с четверть часа на поиски вышло.

Сразу обидчика не нашли, однако возможно, что еще вернутся даже в большем количестве, чтобы тщательнее обыскать параллельные улицы.

Только я так подумал, как тут же мимо дома, уже по до-

рожке перед ним негромко прокрался мопед, водитель которого старательно вертит головой по сторонам, пытаясь и до рогу впереди контролировать, и парня на велике в голубых кроссовках рассмотреть где-то за изгородями домов.

Мотоцикл вскоре снова проехал по основной дороге, собираясь перехватить обидчика после того, как парень на мопеде его обнаружит и погонит со второстепенных улиц. Делать, видно, парням особо нечего, раз так стараются меня найти.

Ну, еще и пострадавшие подробно акцентировали внимание на моих вещах в качестве трофея.

– Рано мне на улицу вылезать, пусть сыщики покатаются. Пускай ищут молодого парня в кроссовках и фирменной футболке с непонятным словом на груди, – понял я и продолжил налегать на пирожки с малиной, выдувая уже третью чашку сладкого чая подряд.

Рodne я рассказывать про свои проблемы не стану, они люди достаточно тревожные и пугливые, могут мне предложить только спрятаться у них и вызвать милицию. А мне требуется попасть в деревню, где придется приготовить местных мужиков и парней к вполне возможному появлению таких городских мстителей.

То, что я хитростью навалял жестко городским пижонам – это моим соседям пойдет на ура, в этом я уверен.

Еще через пятнадцать минут поисковая партия окончательно свалила в сторону плотины. Догадались, значит, что

я надежно спрятался и так просто меня на улице не прихватить по легкому.

Однако искали достаточно серьезно и плотно, похоже, что есть у этих парней с Механки какая-то организация.

Или это только родственники серьезно пострадавшего парня так землю роют?

Я сразу же попрощался с родней, осторожно выбрался на дорожку между домами и ехал по ней до самого конца. Уже перед АТП, оглядевшись по сторонам, я пересек основную дорогу, через минуту очутился на своей проселочной дорожке, которая через две деревни и лес вдоль Волги привела меня домой.

Сразу рассказал дяде про свое приключение, про то, что могут городские нагрянуть.

– Ничего, поговорим с ними, решим вопрос, – успокоил он меня. – Я предупрежу Чапайкиных и остальных мужиков. Говоришь, голову и нос разбил боксеру?

Уверен теперь, что местные за меня порадуются, очень у них популярны такие рассказы, как деревенский двоим или троим городским накостылял.

Да, дядя у меня крепкий мужик, достаточно боевой такой, прятаться от заезжих не станет. И еще в деревне есть семья из восьми братьев, которых все зовут Чапайкины за многолюдность и боевой характер, взрослые уже мужики. Правда, сейчас проживают с родителями только двое из них, зато прямо напротив нашего дома.

– Чего полез бить парней палкой? Совсем нельзя было на словах договориться? – интересуется дядя.

– Похоже, что нельзя, да и я не стал разговоры городить. Я там один в чужом районе, да еще приехал к местной девке, которую там кто-то гуляет, – пожимаю плечами я.

– Ну то, что поперся к Катьке в гости – это явно сглупил, – подтверждает дядя мои нерадостные мысли.

С этим я не спорю и признаю про себя, что это вторая моя серьезная ошибка в новой жизни, после того как я так глупо спалился на продаже книги на Литейном.

Новая жизнь – новые ошибки. Да и дальше их много будет, в этой новой и незнакомой для меня жизни.

Пока мне везет, однако и опер теперь меня не забудет, и продолжение корриды с парнями с Механического завода мне обеспечено.

– Вообще, Механка воюет с Центром и еще с кем-то, с Левым берегом у них отношения нормальные. Так что можно было не устраивать драку, да еще такую кровавую, – просвещает меня родственник.

– Не знаю. Сразу предъявили Катьке за меня и обозвали лопухом, потом в велик вцепились. Чего на них смотреть, что ли? Тем более один, который сильнее пострадал, тоже хорошим боксером оказался. Навалили бы мне и все, футболку бы порвали, а кроссовки сняли с бесчувственного тела, это сто процентов, – объясняю я ситуацию, как вижу ее сейчас.

Карательная экспедиция приехала на следующий день, часам к шести раздался около пруда рев нескольких мотоциклетных моторов, еще через несколько секунд на площади перед нашим домом закружили шесть таких советских чопперов, типа Яв, Чезетов и Минсков с Восходами.

Приехавших разбираться с возникшим вопросом оказалось целых восемь парней и один молодой мужик, с нашей стороны на шум моторов вышли мой дядя, двое Чапайкиных, еще двое взрослых мужиков, все деревенские мальчишки и, конечно, я собственной персоной.

Впрочем, предупрежденные деревенские мужики подтягиваются со всех концов деревни, в руках у многих длинные колы и поначалу выглядевшие молодцами приехавшие горожане начинают тревожно оглядываться, хорошо понимая, что уже проигрывают в численности и тяжелом вооружении.

Что их визит не стал сюрпризом и деревенские успели договориться и подготовиться.

Поэтому начинают нормально разговаривать с дядей и договариваться о материальном возмещении для пострадавшего парня.

У меня самого за оградой дома припасены вилы, хотя от предложенного мной топора дядя отказался и посмотрел на меня с опаской. Похоже, что тоже не узнает смиренного племянника в подростке, собирающемся колоть и рубить приехавших, возможно, просто поговорить парней.

Я же точно уверен, если не хочешь драться, сразу покажи

что-то серьезное, типа топора для колки дров и шансов на договориться окажется заведомо больше.

Через десять минут разговоров между старшими меня позвали в круг, задали вопросы, выслушали ответы, потом взрослый мужик с татухами на руках объяснил, в чем я не прав:

– Подрались бы на кулаках, проблем бы не было. А так ты виноват конкретно, что за палку схватился!

Нет, на языке меня у приезжих точно не получится уболтать и всю вину за все случившееся на мои плечи взгрузить, не тот я уже человек:

– Ага, может, еще на пиписьках с ними померяться? Шли за мной, докопались, обозвали лопухом, дорогу преградили, велосипед за руль хватали! Чего-то еще надо ждать, что ли? Я в терпилы не согласен попадать, поэтому отправил туда парней. Они меня тоже биться один на один не звали, поэтому получили то, что получили!

Приехавшие немного растерялись от моих слов, понимают, что положено бы настаивать на своем, однако вокруг уже деревенских собралось большинство и почти у всех по хорошему дрыну в руках.

Теперь и они, как я вчера – в западне.

Парни семнадцати-восемнадцати лет не справятся с деревенскими мужиками, тем более, что биться на кулаках никто в деревне не собирается, только отдубасят колами до потери пульса.

Да еще и мотоциклы могут побить сгоряча, как потом возвращаться в город приехавшим? С отбитыми боками?

В общем сбавили обороты, вспомнили, что немного Левый берег и Механка союзники, мордобоем не грозят больше, зато попросили денег на лечение и медикаменты для пострадавшего. Пришлось сходить в дом и вынести пятнадцать рублей для полного замирения с городскими. Которые они точно сегодня пропьют за здоровье потерпевшего.

Пожали друг другу руки, прыгнули на мотоциклы и уехали, только пыль столбом закрутилась.

С меня дядя тоже взял десять рублей премиальных и поспешил с мужиками в селпо или сразу к продавщице Лельке, благо она живет в Баскачево, в соседнем с магазином доме.

– Что, внучок, договорились с этими фулюганами? – спрашивает у меня бабушка, протирая очки и выставляя на стол тарелку свежего шоколада, который она варит из какао и сахара.

– Договорились, бабуля! – говорю я погромче, бабушке уже семьдесят семь лет и слух ее подводит.

Да, вопрос похоже полностью решен ценой потери мной двадцати пяти рублей.

Однако печалиться по этому поводу я вообще не собираюсь и вполне удовлетворен финансовыми потерями. Я легко переживаю то, что пришлось заплатить горожанам.

Все же парню реально жестко досталось, как и его прияте-

лю, в противном случае я мог потерять гораздо больше, чем этот четвертной.

Зато приобрел кое-какой авторитет в деревне и своих собственных глазах, раз из-за моих деяний приезжают такие неслабые команды разбираться. Что еще лучше, что и местные мужики вписались за меня, а не отвернулись, предложив разбираться самому.

Знают, что я жестоко побил в городе двух парней, значит сильный духом и телом парень.

Наверно я и на самом деле перегнул палку, только в момент схватки мне так не казалось. Может, конечно, проверили бы мы друг друга в кулачном бою и зауважали потом. Однако, скорее всего, прибежала бы местных толпа и отпинала меня сгоряча, как это обычно и случается с залетными пижонами-мажорами в таких местах.

Глава 3 ЕДУ ДОМОЙ

После такого знаменательного события для деревни дядя мне ничего не стал говорить из плохого насчет моей неудачной поездки в город.

Съездил и съездил, навалил там кому-то, ну и ладно, приехала толпа городских разбираться – и ничего, разобрались нормально, деревенские парни с мужиками продемонстрировали свою силу и сплоченность. Теперь даже гордятся этим постоянно, пусть и не пришлось драться, однако все видели, что преимущество в силе против городских оказалось на нашей стороне.

Значит, Петряево – сила! Даже без Баскачево, а с ним вместе вообще просто – запредельная мощь!

Остался к тому времени еще в деревне народ, и мужиков с парнями хватает, и школьников десятков наберется в двух небольших деревеньках на сорок домов в общем.

Зато купили после своей победы у Лельки две бутылки беленькой, сначала на мой гонорар, потом еще две, уже на свои и погуляли немного у дяди перед домом в Баскачево.

На самом деле вопрос решился к обоюдному удовольствию, теперь все стороны могут хвастать, каждая именно своей победой.

Пусть и не совсем в пользу горожан дело повернулось, никого наказать они не смогли, зато уехали с материальным возмещением, теперь могут считать, что все-таки прогнули деревенских за мой проступок.

На самом деле, если бы я не согласился уладить претензию, уехали бы и так, конечно, не солоно хлебавши, никуда бы не делись в этот раз.

Только вопросы бы остались тогда надолго.

Ко мне – это понятно, они и так остались, лучше мне в городе парням с Механки не попадаться, да и по центру ходить, постоянно оглядываясь. Раз я там местного боксера зацепил и побил беспредельно, все остальные его товарищи с района и секции меня не пожалеют, если смогут идентифицировать как того самого беспредельщика.

Сразу же в бой кинутся, как только поймут, кого встрети-

ли.

Поэтому кроссовки и футболку придется снимать при посещении города и его центра, куда мне требуется попасть в скором времени. Они такие тут нечасто попадаются, тем более, что футболка точно в единственном экземпляре во всей Ярославской области имеется.

На самом деле, это я сам согласился заплатить на лечение, никто из наших меня об этом не просил, сжимая в руках увесистые дрыны.

Заплатил из чувства понятной справедливости, на самом деле именно я начал разборку с парнями, не дождавшись серьезных враждебных действий в мою сторону. Хотя, понятно, что эти самые действия не замедлили бы проявиться после нескольких первых фраз. Однако ничего такого мне сделать не успели, я всех опередил, чем даже горжусь теперь весьма не слабо.

Заплатил отступного просто, чтобы снять вопрос с повестки.

Мне тоже не захотелось оставлять за спиной не улаженную проблему, все-таки наши с Механкой не враги и теперь не станут ими по моей вине. Кто-то из бывших деревенских там живет, так что какие-то связи и возможности коммуникации всегда останутся. Никого в городе не отлупят случайным образом из-за меня и моих делишек с Катенькой.

С Катей теперь, наверно, общение станет трудным и почти невозможным, если она сама еще раз не приедет в деревню.

Вроде собиралась в августе, сама говорила, однако в гости тоже сама приглашала и так некрасиво оставила меня стоять за дверью, чтобы расхлебывать последствия своего плохо продуманного появления в чужом районе.

Мне самому, конечно, ездить в этот район города больше ни к чему, однако все может случиться, что и в центре города встречу кого или на том же вокзале столкнусь, они там совсем рядом проживают территориально.

Так что денег, целого четвертного, мне точно не жалко, наши деревенские погуляли хорошо по итогу, про городских ничего не знаю.

Мужики и взрослые парни теперь уважительно здороваются при встрече, мальчишки-ровесники не обзываются, как раньше бывало при несовпадении характеров, перевирая мою фамилию сильно издалека.

После этого случая моя жизнь в деревне пошла уже без особых приобретений и переживаний, стало даже скучно немного после таких приключений. Поэтому я решил самостоятельно, как совсем взрослый, прокатиться к себе домой под Ленинград.

Пришлось еще в начале июля выбрался снова в город, чтобы купить билеты на поезд.

Поехал на том же неприметном велике, только в обычной футболке и сандалиях, еще голову прикрыл кепкой дяди, чтобы навести полную маскировку.

Пришлось простоять трехчасовую очередь на вокзале, как

всегда осторожно читая одну из трофейных книг, зато потом желанный бланк билета оказался у меня на руках. Плацкартный тикет за семь рублей восемьдесят копеек на рейс до города Великой Октябрьской Социалистической революции через неделю.

Это в конце августа с билетами станет совсем тяжело, сейчас еще можно купить на ближайшие дни, если повезет. Очередь двигается очень медленно, на каждого клиента не меньше пять-десяти минут уходит, мне очень сейчас не хватает сайта РЖД и интернета скоростного.

Ничего, доживем до таких времен, правда, еще очень нескоро.

Я решил немного поменять окружающую меня обстановку, побывать, если получится, на дне рождения Юлечки, записать несколько кассет с имеющихся у меня дисков и вполне возможно, что еще вернуться в деревню до конца августа.

Да и поторговать на старом, прикормленном месте уже хочется, прошло два месяца с моих последних приключений там. Меня на толкучке уже немного позабыли, тем более можно проверить, как отреагируют на меня старожилы, если они там еще остались.

Кто его знает, как там теперь милиция шерстит пережитки антисоветских явлений, именно таких, как излишняя для настоящего советского человека будущего любовь к деньгам и, значит, нетрудовым доходам?

И еще странная склонность собираться самостоятельно по

разным темным закоулкам без разрешения и одобрения направляющей силы советского общества?

Пора избавиться еще от нескольких книг, проверить мой запасной путь отхода и вообще – немного пощекотать себе нервы, особенно сейчас, когда я еще все тот же несовершеннолетний правонарушитель.

Еще очень интересно проверить, смогли милиция или мои конкуренты пронюхать, куда я делся во время облавы, то есть, разобраться с дверью на чердак и с тем, куда я скрылся с него.

По следам в пыли это окажется очень наглядно видно.

Смотаюсь в Ленинград, подам документы в училище, потом могу вернуться обратно в деревню или остаться в городе, тут уж получится, как я сам пожелаю.

Юлечке позвонил с междугороднего пункта телефонной связи, долго дожидался, когда она дома окажется и сообщил, что собираюсь приехать на ее день рождения.

– Привет, милая! Что привезти тебе с берегов Волги на твой день рождения? – так и спросил настойчиво и со значением.

Намекаю, что считаю ее по-прежнему своей подругой.

А сам огорченно про себя подумал, что бывшей подруге исполнится всего пятнадцать лет, не серьезное это дело.

Ну, так прямо девушка мне не сказала, что теперь гуляет с другим, однако с приглашением на праздник вышла заминка, поэтому я теперь просто еду, скорее всего.

– День рождения... Не знаю еще...

Вот и все, что я услышал в допотопную телефонную трубку от нее насчет праздника, в принципе, этого мне вполне достаточно.

Не сказать, чтобы я теперь, после плотских уроков Катьки, очень уж так переживаю за легкомысленность не дождавшейся меня девушки. Ждать она меня, честно говоря, совсем не обещалась, очень расстроилась, когда я собрался уехать на целое лето. Не хочет патологически оставаться одна моя подруга, да и с выбором спутников жизни всегда слишком торопится, как я отчетливо чувствую, поэтому и окажется она именно там, где я ее встретил в своем прошлом.

Зато ее лучшая подруга обрадовалась известию о моем отъезде в деревню неподдельно и наверняка уже подогнала Юлечке или старого ухажера, или кого-то нового из парней постарше.

Чтобы вместе гулять по городу в сопровождении уже взрослых парней и выглядеть счастливыми, очень взрослыми красотками на выданье. Вполне нормальное девичье желание, это тоже лучше понимать.

Ладно, посмотрим, как там встреча на месте произойдет и что именно случится. Не придется ли снова подраться, теперь я чувствую себя гораздо сильнее и тяжелее против себя же прежнего, того достаточно тщедушного пацана шесть месяцев тому назад.

Я собираюсь не так часто появляться после этого лета в родном городе, а еще у меня точно не окажется столько свободного времени, чтобы продолжать гулять с Юлей.

Да и в большом городе, вполне возможно, что сразу же себе кого-то найду по интересам, чтобы жить взрослой жизнью.

Так что не буду работать собакой на сене, чтобы удерживать девчонку на которую не имею никаких особых видов.

В принципе, получил от девушки все, что мне требовалось на своем месте в моем восьмом классе. Погулял с ней у всего города на глазах, поднял свою самооценку и репутацию в глазах знакомых, дальше я заходить не собираюсь и делать женщиной тоже не хочу.

Из высокоморальных соображений, как я думаю про свои принципы.

С той же Катериной все получилось легко и просто, она уже оказалась женщиной, да и по зрелой внешности выглядит лет на двадцать, не меньше, в свои шестнадцать годков.

Юлечка, конечно, тоже девушка фактурная, однако далеко не так еще развращена и совсем где-то еще ребенок, особенно по сравнению со мной и той же Катенькой.

Понятно, что это я сейчас со своим взрослым умом так думаю, а вот когда молодой организм окажется на расстоянии вытянутой руки от красивой фигуры девушки и ее больших зеленоватых глаз, ну, я не знаю, что произойдет.

Поэтому оставляю себе все возможные варианты для дей-

ствия, ни от чего не отказываюсь заранее.

Пока же я фиксирую свои физические изменения в молодом организме.

Вес я проверить не могу точно, зато вижу, как появился и понемногу увеличивается мой бицепс. Эта картина очень радует меня, ведь данная мышца слабее всех реагировала на мои самоистязания с отягощениями, а ее внешний вид очень важен молодому парнишке для самоутверждения.

Не зря я провисел половину своего летнего отпуска на самодельном турнике, с обреченной остервенелостью подтягивая свое легкое тело вверх хватом на себя по много раз подряд.

Я, как только приехал, сразу же попросил дядю измерить мне рост по дверному косяку и перед отъездом попросил повторить замер. Результаты меня очень порадовали, я подрос на пару сантиметров за полтора месяца, и это очень круто.

То ли расти активно начал, то ли на турнике так вытянулся.

А, может, это бабушкина обильная стряпня на меня так подействовала и всегда заваренные в чайнике березовые листья?

Настоящая живая вода, ведь бабушка, не побывав ни разу в местной районной больнице, дожила до девяносто трех лет, еще успев переболеть воспалением легких в свой последний год. Если бы не это, вполне могла бы и до ста лет дотянуть.

Значит стану более солидно выглядеть в глазах окружаю-

щих меня товарищей по нелегальному бизнесу и покупателей. Это при том, что за пять месяцев в городе я подрос всего на один сантиметр, зато набрал восемь килограммов живого веса, без перерыва поднимая гриф от штанги и гантели, как заведенный робот.

Все же позиция для накачки тела у меня оказалась самая низкая из возможных, поэтому и рост случился впечатляющий.

С грустью попрощался с своими товарищами и подругами по деревенской жизни, взял еще пару уроков игры на гитаре перед отъездом у Оксаны и в дождливый такой день меня отвез в город один из знакомых дяди на мотоцикле. Пришлось кутаться от капель дождя в полиэтиленовый дождевик, хотя ноги до колен все равно промокли от брызг.

Он высадил меня на центральной площади и уехал. Денег осталось у меня не так много, рублей двадцать всего, бабушка еще десятку подкинула и заставила забрать, как я не отказывался. Поэтому по магазинам не хожу, заграничный дефицит не ищу.

За спиной висит спортивная сумка с книгой и флаконами с туалетной водой, в руках котомка с едой, вареная курица и яйца к ней прилагаются, еще бабушкины пирожки с капустой и картошкой в дорогу нажарены.

Чемоданчик с остальным барахлом оставил в деревне, чего его с собой таскать.

Там я пересел в автобус, идущий к вокзалу, вскоре уже за-

купаюсь лимонадом и минералкой в дороге в пристанционном буфете. Беру побольше, можно немного охлаждать напитки на второй и третьей полках набегающим потоком воздуха из открытого окна. Хорошо помню, как в поездку сюда в серьезную такую жару не хватало напитков в поезде, хорошо еще, что в Калязине во время долгой остановки я прогулялся по городку, дошел до магазина подальше от вокзала и там закупился питьем в дальнейшую дорогу.

Еще соседей по плацкарту угощал щедро.

В этот раз в купе со мной едет ровесница, ничего такая девушка, шатенка с высокой грудью. Уговорил ее даже сходить в кино во время долгой остановки в Калязине:

– Чего тут скучать? Времени два часа сорок минут на переселку, а до киношки идти всего десять минут.

Вижу наглядно, что излучаемая мной уверенность и правильные слова действуют на соседку, вскоре мы уже сидим на заднем ряду пустого кинотеатра. Правда руки я не распускаю, веду себя по-взрослому, не как озабоченная малолетка, из киношки уходим тоже заблаговременно, чтобы не рисковать опозданием на поезд.

Уже ночью немного целовались в тамбуре для романтики, чтобы обозначить для обоих такое дорожное приключение.

Надя едет поступать, как и я, в ПТУ или техникум, сама еще не знает точно. Будет пока жить у своей тетки на Петроградке. Я беру телефон у девушки, обещая показать ей Ленинград.

Утром поезд швартуется у перрона Витебского вокзала, Надю уже встречают родственники, я же с одной сумкой на боку спешу на Балтийский.

Хочется и на электричку сесть, чтобы быстрее оказаться дома, однако чувство долга ведет на родную улицу Римско-го-Корсакова, чтобы проверить свою заготовку на чердаке.

– Нет, все же нужно сейчас с местом для торговли разобраться, – решаю я про себя. – Чтобы послезавтра появиться там во всеоружии.

Сказано – сделано и через двадцать минут я вхожу во двор, где велась торговля, подхожу к своему подъезду и внимательно изучаю спасительную дверь.

– Так, вырванную из дверного полотна ручку прикрутили обратно, да еще на такие толстые шурупы. Аж на шесть штук, по три на каждую сторону. А вот внутренняя ручка держится всего на четырех и похоже, что меньших по размеру шурупах.

– Да и разболтанные они уже сильно, один рывок и вылетят вместе с ручкой, – подвожу я итог осмотра.

Теперь за дверью подъезда мне не отсидеться, если все оставить так, как есть.

– Ладно, с этим делом можно что-то придумать, приложить руки и немного времени. Что там с чердачной дверью?

На площадке перед ней сильно натоптано и посветив фонариком, который путешествовал со мной в деревню, за саму дверь, я вижу, что там тоже натоптано.

С замиранием сердца проверяю свою заготовку и тут, слава богу, нет никаких изменений, никто не понял, что только два вынимаемых гвоздя держат один из штырей и блокируют его в притолоке. Я захожу на чердак, где быстро убеждаюсь, что натоптано только за дверью, дальше по чердаку никто не ходил и мои следы, уже хорошо прикрытые налетевшей сно-ва пылью, остались единственными, которые ведут к следующему спасительному подъезду.

– Это точно не милиция меня искала. Те бы весь чердак обшарили и по следам обнаружили, где я вышел, сто процентов! Надо бы теперь весь чердак обойти, чтобы сбить их с толку в следующий раз. Похоже, что это местные зашли посмотреть или кто-то из Жэка заглянул, чтобы проверить домовое хозяйство на пожарную безопасность.

Бродить днем по чердаку я опасаясь, чтобы не привлекать внимание жителей верхнего этажа. Ничего, можно спуститься, пройти через улицу и проверить свою следующую подготовленную дверь, зайдя в другой подъезд.

Там так же кто-то ходил, потому что штырь забит обратно очень хорошо. Это значит, что проверяющий товарищ дернул дверь на всякий случай, а она возьми да распахнись.

– Поэтому обратно и заколотили, не жалея сил молодецких, – понимаю я произошедшее на этой чердачной площадке.

Что же, предварительный осмотр места для беспрепятственного отхода после совершения не такого уж и мелкого пре-

ступления против социалистического строя произведен, новые улучшения и изменения уже продуманы как следует.

Теперь мне пора спешить на следующую электричку, много чего придется обдумать по дороге домой.

Сегодня еще бы желательно встретиться с Юлечкой и поговорить с ней с глазу на глаз.

Да и других дел много накопилось.

Глава 4 ПРОДОЛЖАЮ ТОРГОВАТЬ

Родителей я заранее не предупреждал, что приеду самостоятельно, не стану ждать матушку в деревне. Она собирается ехать к матери в конце августа и меня заодно забрать в город, уже и билеты у нее обратно куплены.

Ничего, пора уже им привыкнуть к моей взрослой самостоятельности, давно я ее уже проявляю по каждому поводу.

Пока отца не было дома, проверил его ящик с инструментами и собрал себе хороший комплект из удобных шурупов под крестовую отвертку. Головки советских шурупов, конечно, очень слабенькие такие, с первого раза могут не вкрутиться в плотное полотно двери, придется их поменять не раз, пока загонишь полностью в древесину. Поэтому необходимо иметь солидный запас под рукой. Однако, и шлицевая отвертка побольше мне тоже понадобится, все шурупы на дверных ручках вкручены именно такие, ужас какие неудобные скобяные изделия.

Такой мазохистский набор для любителей потрахаться с шурупами как следует, он прилагается везде, где можно, к

набору любой советской мебели.

Гвоздодер мне тоже понадобится, чтобы снова немного расшатать крепеж на замке той двери, через которую я могу спуститься безо всяких проблем в отдаленный от места торговли двор. И еще поможет мне справиться с ручками, если я собою уже и так забитые шлицы на шурупах полностью.

Фонарик мне нужен как всегда, чтобы работать в почти полной темноте, когда закрою дверь в подъезд или на чердачной площадке.

Зато свой боевой дрын я нашел валяющимся около спуска в подвал, закатившимся за ступеньки лестницы.

Даже прослезился, когда рассмотрел и достал верного моего спутника по жизни из темноты подвала.

Сколько мы уже вместе пережили, и разбитую голову борзого гопника, и попытку вырвать дверь сильно могучим сержантом, и так же последующее его ранение острым краем скобяного изделия, теперь надежно прикрученного обратно к полотну двери.

Прошли все это вместе и только потом расстались, причем, дрын прикрывал мой отход до самого конца, как храбрый смертник прикрывает отход партизанского отряда от явно превосходящих сил гитлеровских карателей.

Теперь я с ним не расстанусь, на замену ему вырежу новую палку, а этот боевой товарищ и дальше будет путешествовать со мной по жизни. Займет достойное место на балконе со временем.

Его выдернули из двери и торопливо бросили рядом, пропуская родную милицию при исполнении в подъезд, потом запасливый дворник прибрал его для себя, вероятно, что для будущей ручки на метлу.

Ничего лучше такого помощника мне в голову быстро не приходит, хотя нужно помнить, что теперь органы правопорядка тупить не будут и сразу начнут активно стучаться в окна первых этажей, поднимая жильцов на помощь советской родной милиции.

Поэтому удирать придется сразу же, не рискуя собирать брошенное добро братьев по несчастью.

Впрочем теперь в том дворе у меня осталась только одна возможность исчезнуть из сита облавы, чтобы еще один раз воспользоваться подготовленным путем эвакуации. Третий раз уже не получится, как кажется мне.

Наверняка, милиция расспросила подробно задержанных про такого невысокого паренька.

Который с ними торговал и еще умудрился стащить часть брошенного добра, которое очень интересует органы, как уже своя законная добыча.

Уж именно пропавшим добром они точно заинтересуются, просто сбежавший от облавы спекулянт сам по себе не так им нужен, как с прикарманенным добром на кармане.

Кто-то точно про меня расскажет, те же мужики-конкуренты или любой из задержанных, кому требуется особое отношение от милиции.

Да и серьезно пострадавший сержант Абросимов меня разыскивает между делом, как я подозреваю, до сих пор, так же как его начальник, тот самый лейтенант.

И гопники не забыли мою внешность, если мужики-конкуренты окажутся снова рядом, стоит ждать от них проблем в тот же день.

За эту пару месяцев моего полного отсутствия розыскной пыл у сержанта и гопников с проспекта Огородникова угас немного, однако вполне возможно, что они попросили спекулянтов сигнализировать, если я снова появлюсь. Нашему брату-спекулянту такое внимание и поддержка от органов правопорядка всегда требуется, как воздух.

Гопники могут получить инфу только от своих подельников, как я надеюсь. Не будет мужиков на толкучке, не появятся и гопники с арматурой за спиной.

Все равно, где еще продавать свои и трофейные книги в солидном количестве – больше я таких уловистых мест не знаю, поэтому рассчитываю поторговать именно около приготовленного подъезда, пусть в полной готовности к мгновенному исчезновению.

Ага, уже книги от барыги с Ульяновки считаю своими. Хорошо я так вжился в роль Робин Гуда наоборот – отнимаю у богатых и оставляю себе. Ну, не совсем наоборот, где-то на половину только.

Впрочем думаю, что и настоящий Робин из Локсли действовал именно так же, чтобы там не рассказывали в наив-

ных английских балладах про доброго разбойника. Просто хранил наворованное и награбленное среди простого народа, вот тому и перепадало кое-что из чужого добра время от времени.

Как приехал домой, сразу же позвонил Юленьке, Стасу и Жеке, договорился встретиться с приятелями и потом с девушкой около ее подъезда.

– Чувствую, получу я отлуп от подруги, судя по ее холодному и недоуменному тону. Бросил меня и еще чего-то хочешь, типа? – подумал я и полез отмокать в ванну, первый раз за полтора месяца деревенской жизни.

Ходил пару раз в деревенскую баню по-черному и купался каждый день, даже с мылом обязательно перед свиданиями на берегу.

Еще бы желательно сходить в парикмахерскую, потом постричь ногти на руках и ногах получше, чем я мог делать это в деревне.

В парикмахерскую успел, обкорнали меня под канадку и отправили гулять.

Как сработала над моей головой молоденькая симпатичная девчонка – мне понравилось, быстро и легко. Поэтому не стал забирать сдачу с рубля, оставил сорок копеек на чай первый раз в новой жизни.

У приятелей пока все по-старому, Стас мутит с порножурналами от теткиного хахаля, только подозрительно не хвастается ничем. Похоже, что уже накормил красивым гляncем

всех знакомых пацанов и бизнес заметно затих.

Жека ничем не занимается, просто проводит время на пляже и мамкином огороде, который расположен рядом с нашим.

Я не удержался, намекнул приятелям на большое романтическое-эротическое приключение в деревне:

– Все по-взрослому получилось, совсем без трусов спали, так что я вам больше не мальчик. Теперь буду при встрече подавать вам только один палец, как последним девственникам СССР. А вы должны кланяться, – назидательно предложил я парням.

Приятели потрясенно замолчали, осознавая мою невероятную крутость.

– А ты не врешь? – переспросил Стас.

– Я же не ты, сказочник! Мне эти дешевые понты уже ни к чему, – лениво и уверенно отмахнулся я от его законного недоверия.

– Так значит, Юлечка свободна, получается, – сразу заинтересовался шустрый Стас.

Не получается подъехать к ее подруге, можно и на мою бывшую девушку позариться, есть у него такая не очень хорошая черта, как я хорошо помню.

– С чего это вдруг? – засомневался я. – Одно другому не мешает, тут у меня романтические отношения, там здоровый секс, вещи не связанные между собой никоим образом.

– Так она уже гуляет с каким-то дылдой-старшеклассни-

ком, ты с таким не справишься, – выдает свое знание Стас.

– И что, с одним уже справился! Зато у меня есть приятель, самый крутой во всей путяге, никаким десятиклассникам рядом ничего не светит, только упадет громко, как большое дерево. Как и студентам тоже, – на всякий случай я максимально поднял уровень возможных соперников.

– Ладно, не переживайте, не буду я Кирпоноса привлекать к этим амурным делам, – посмотрел я на вытянувшееся лицо Стаса. – Мне теперь эти детские развлечения не интересны, я уже большой мальчик.

– Сейчас узнаем, свободна она или нет, у меня назначена встреча около ее подъезда. Вы рядом постоите, возможны беспорядки и проблемы с новыми хахалями Юлечки.

Жека опять расстроился из-за предстоящих проблем, но уже это показывать не стал, втроем мы точно не испугаемся одного парня, даже очень большого.

Однако моя хитрая бывшая подружка меня конкретно так прокатила, не вышла в назначенное время к подъезду, показывая тем самым, что не собирается встречаться со мной больше.

Я тоже не постеснялся подняться на площадку к ее квартире, где переговорил с отцом девушки:

– Юли нет дома! – услышал суровый ответ я на свой вопрос и спустился вниз.

– Ну что? – сразу же спросил меня Стас.

– Кажется, я в отставке, – улыбнулся парням, после чего

мы отправились дальше гулять по летнему городу, манящему эскимо и пломбиру за двадцать копеек.

Около обувного я попросил парней подождать меня и быстро зашел поздороваться с девушками, однако к моему большому сожалению не обнаружил их на рабочем месте. Узнал, что они в отпуске и появятся не раньше середины августа.

Очень жаль, что я пропустил столько времени для плодотворного общения и бизнеса, с другой стороны надо же когда-то отдыхать, как душа пожелает.

А поездка в деревню – это самый релакс для меня, возможность вернуться в счастливое детство и снова жить рядом с бабушкой и дедом. Даже постоянно бухающий дядя меня очень радует теперь, пока он жив.

На следующий день я провел ревизию своих книг, выбрал десяток самых дешевых из них, в основном те самые, которые попали мне от конкурентов-подлецов. Все по стоимости в десять – пятнадцать рублей, более дорогих можно прихватить парочку с собой и все, нет такой уж надобности рисковать ими.

С остальными, которые уже по двадцать пять-тридцать рублей и еще дороже тем более, что нет смысла стоять на улице. Придется придержать их до лучших времен, которые когда-то точно наступят. Хотя бы попробовать пробиться в сам ЛОК, где риска при торговле с рук гораздо меньше, да и милиция туда пока не шастает так свободно.

Только такая возможность у меня появится еще не скоро, сначала совершеннолетие, потом получение паспорта, после этого устройство на работу и уже тогда можно о чем-то хлопотать. Придется завести трудовую книжку и хорошо зная грядущее будущее, можно смело попасть в разряд «летунов» или еще кого похожего, не переживать теперь так уж сильно о правильной рабочей карьере.

С понятным нетерпением отправился в ПТУ на тренировку. Специально не стал обедать, чтобы оценить свой вес и весы меня порадовали – пятьдесят пять килограммов боевого веса.

Не зря я так вкалываю в зале и вишу целыми днями на турнике, слушая в свой адрес не смешные шутки деревенского населения.

Уже нормальный подросток приличного веса, ровесникам с семьюдесятью килограммами я явно уступаю внешне, однако в среднем вполне прилично выгляжу. Если немного погонять, спокойно укладываюсь в вес до пятидесяти четырех, сказал мне тренер.

Я же спросил у него, куда мне лучше ходить заниматься в Ленинграде.

– А чего ты не в наше ПТУ идешь? – удивился Юрий Кузьмич. – Какая разница, где на слесаря учиться? Ты же хорошо учишься в школе, зачем тебе в ПТУ поступать? – спохватился он.

– Нет, я на кондитера пойду, – посмеялся я сам над своим

выбором. – Собираюсь жить, как взрослый парень, подальше от родителей.

– Тогда на Конюшню, если в твоём училище не будет секции, – однозначно сказал тренер, растерянно почесав голову.

За все время, проведенное в деревне, мне вспомнилось еще кое-что из прочитанного про Чикатило, поэтому я снова написал опять шесть писем, купил конвертов и раскидал их по пути к ЛОКу.

Пришлось выехать на пятичасовой электричке рано утром, чтобы раскидать конверты по дороге и оказаться в полвосьмого утра около знакомого двора.

Нет лишнего времени, чтобы навернуть кружок по другим улицам, впрочем один раз можно и Лермонтовским проспектом с его почтовыми ящиками спокойно воспользоваться.

Но, только один раз!

Я уже наследил рядом на проспекте Москвиной, а эти улицы пересекаются между собой около гостиницы "Советская". Если кто-то заинтересуется местом, где расположены используемые почтовые ящики, он легко найдет закономерность в этих вбросах. Правда, как это поможет найти меня – даже не представляю.

Только я надеюсь, что никому это в голову не придет. Наверняка дело обстоит так, что ростовские служивые и партийцы не могут технически и не собираются даже теоретически устраивать облавы в Ленинграде. Оставаясь до сих пор непоколебимо уверенными в том, что конверты с аноним-

ками разбрасывает кто-то из знакомых или родственников приговоренного. Уже не известно к чему именно мне сейчас как бы невиновного в убийстве первой жертвы маньяка.

Если мои анонимки сработают, возможно, что его успеют спасти. Хотя мне не жаль убийцу и насильника маленьких девочек ни разу, лучше бы очистить немного места на этой земле от таких выроdkов независимо от того, что не он убивал в тот раз.

Однако я сейчас сильно тороплюсь к месту торговли, поэтому оставить конверты в сумке, когда меня могут прихватить при облаве – это совсем глупо. В итоге они остались лежать там, где я встретил первые попавшиеся почтовые ящики, сразу по четыре штуки в каждом.

Я вошел во двор, миновал пристройку и сразу же подошел к хорошо знакомой двери подготовленного мной подъезда, где занялся шурупами, держащими наружную ручку двери. Во дворе еще стоит тишина, теплое июльское утро выходного дня дает возможность поспать подольше местным жителям, пока прошло всего двое человек мимо меня, старательно возящегося с деловым видом около двери подъезда.

Две женщины спешат на работу и не стали интересоваться, что это я делаю. Раз сосредоточенно тружусь уже на ярком свете, значит, что так и нужно. А что я именно делаю, знать им оказалось ни к чему, просто вожусь около двери и все.

Занимаюсь общественно-полезным делом, как юный ти-

муровец.

Шурупы отказались выкручиваться через одного, у них уже при вворачивании в полотно двери оказалась сбиты шлицы для отвертки, и так очень неглубокие сами по себе.

Не скоро еще здесь появятся качественные саморезы по дереву и гипроку, придется еще помучиться народу советскому, стирая в кровь ладони неудобными и жесткими отвертками.

Правда я не особенно долго мучился с отказавшимися выкручиваться шурупами, подцепив края ручки молотком-гвоздодером, быстро расшатал и вырвал оставшийся крепеж со своих мест по очереди.

Одну сторону вырвал, вкрутил коротенькие, немного более толстые шурупчики в подготовленные отверстия и так же поступил со второй стороной ручки.

Теперь наружную ручку держат не шесть длинных шурупов, а всего четыре коротких, и они точно не выдержат первого хорошего рывка.

А так выглядят и держат саму ручку нормально с виду, дверь открывается легко, поэтому вылетят они не скоро со своих новых мест. Если дергать никто не станет со всей дури.

– Так, первое отделение, самое сложное – закончилось, теперь осталась только внутренняя ручка. Которая та самая, выдержавшая штурм сержанта Абросимова и робкие рывки его начальника, – радуюсь я про себя.

Распахиваю дверь полностью, прижимаю ее к стене дома и

так же оперативно меняю четыре средней длины шурупа на шесть самых длинных. Теперь вырывать ручку устанешь, она сделана из блестящего металла и выглядит крепкой, только пластиковые держатели потрескались от рывков могучего сержанта, зато их уже подмотали синей изолентой местные жители.

Шесть шурупов под крестовую отвертку загнаны в свои места, и я перехожу в следующий подъезд, который смотрит своими окнами между этажами именно на стоящий посередине двора двухэтажный дом, отгораживающий место торга от посторонних глаз.

Время у меня еще есть с избытком, я хочу подготовить себе еще один путь для отхода на всякий случай. На чердачной площадке расшатываю гвоздодером еще один крепеж, чтобы вырвать его сильным рывком. Тогда я оказываюсь почти сразу напротив чердачной двери спасительного подъезда, выходящего в другой двор.

Зачем приготовил еще один выход – сам не знаю, однако пусть будет, карман не оттягивает в отличие от книг.

Потом прохожу по улицам и дворам до спасительной двери и там тоже расшатываю крепко забитый теперь штырь.

Все, вроде везде подсуетился, теперь только если комнату снять в доме, чтобы еще улучшить свое положение торгующего с рук спекулянта.

Делать мне пока нечего, возвращаюсь в подъезд, откуда могу хорошо разглядеть всю толкучку.

Торговля начинается в десять утра и длится до двенадцати, до часа стоят самые упертые спекулянты, поэтому оставшееся время до начала толкучки я провожу в подъезде, собираясь познакомиться с торговым народом, сам не показываясь у него на виду.

Стою, прижав нос к грязному стеклу, пока понемногу собирающийся внизу народ создает первый круг вдоль стены дома, держа вещи для продажи в руках.

Странно, что моих конкурентов по торговле книгами тоже нет, ни знакомых мужиков с Огородникова, ни второй компании, с которыми я так и не успел близко познакомиться. Они в отличие от конкурентов, книги свои не сбросили и как смогли выпутаться при облаве или не смогли это сделать по итогу – мне не известно.

Зато мужики с Огородникова потеряли все свои книги и теперь вряд ли смогут чем-то здесь торговать, мешаться у меня под ногами пока не будут к счастью.

Знакомых по прежней торговле я вижу немного. Да, в общем-то, почти никого, только продавец паленых кроссовок снова появляется на своем месте, но и он держится поближе к той парадной, где притаился сейчас я.

Перешел с одного угла двора на противоположный, думаю, что это не просто так случилось. Есть у него какой-то план. Как и у меня.

Наверняка, что позаботился заранее снять какую-нибудь комнату в этом подъезде, чтобы каждый раз не отсыпать ми-

лиции много денег за свое освобождение. У него то финансовые потоки вполне это позволяют, кроссовки он продает довольно дорого и может себе позволить лишнего не рисковать.

Вижу продавцов дисков и кассет снова, только не помню, они те самые или нет, которые сбросили свой товар в тот раз. В тот счастливый для меня день.

Все, народу уже набралось солидно внизу, видно, что прежние обороты торговля из-под полы снова набрала и можно спускаться вниз. Неужели больше их тут не гоняли облавами? Похоже, что нет.

Что я и делаю, выхожу из подъезда, вижу отчетливо, что продавец кроссовок почему-то с испугом чуть не подпрыгивает, когда раздается скрип двери.

Нервы у него тоже шалят изрядно, похоже.

Рассмотрев меня и то, как я выкладываю на хозяйственную сумку книги, он успокаивается и потом кивает мне, понимая, что уже видел меня раньше. И, это значит, что я тоже уже свой, проверенный временем и облавами спекулянт.

Я тоже здороваюсь с ним, сразу начинаю торговать книгами, отвечая на вопросы появившихся покупателей.

Процесс идет довольно обнадеживающе, и у меня, и около продавца кроссовок народ хорошо рядом толпится, за пару часов у меня купили шесть книг, одну даже за двадцать пять рублей.

Наторговано уже под сотню, дела идут отлично, теперь я

больше смотрю на проходы мимо пристройки, ожидая появления милиции.

У соседа торговля так же радует мужика, теперь он каждый десять минут исчезает в подъезде, видно, что за новой парой. Потом выныривает, зовет очередных покупателей в сам подъезд и вскоре они выходят. Обычно уже с купленными кроссовками на ногах, свою прежнюю обувь держат в непрозрачных полиэтиленовых пакетах, понятно, что по совету продавца.

Чтобы сберечь ее при возможной облове, так наверняка он советует всем.

За оставшейся парой для примерки присматриваю уже я по его просьбе, так понемногу мы начинаем общаться между собой с ловким азербайджанцем.

Заметив тревожные взгляды, которые я бросаю постоянно в сторону пристройки, Вагиф, как зовут спекулянта с юга, подходит ко мне поближе и шепотом спрашивает:

– Ты на охрану скинулся?

Охренеть, их тут что, уже крышует кто-то? Может, это он свою национальную крышу мне хочет предложить?

Совсем рядом институт Лесгафта конечно имеется, там куча крутых спортсменов, только я про сбор денег еще не слышал в это невинное время, такое дело должно начаться в конце восьмидесятых.

На рынке в Девяткино начаться, насколько я помню, Ульянка до тех времен не доживет.

Но нет, это просто местные торгаши самоорганизовались, теперь скидываются паре пацанов, чтобы они во время торговли прикрывали нашего брата от внезапного появления милиции. В общем парни стоят на стреме и при обнаружении людей в форме дадут полминуты или минуту, чтобы разбежаться или спрятаться господам спекулянтам.

Я, конечно, согласен с таким правильным распорядком, Вагиф кивает кому-то, показывая на меня, вскоре ко мне подходит один из продавцов дисков с фирменными кассетами, я выдаю ему один рубль на часовых и сразу покупаю за двадцать рублей кассету TDK на девяносто минут.

Наверно со скидкой, как своему по такой цене, раньше кассеты по двадцать пять рублей продавали, не дешевле.

Теперь я присматриваю за кроссовками соседа, он за моими книгами, начинается такой взаимно полезный симбиоз среди торгующей братии, как и положено среди людей, балансирующих на крайне шатких моральных и нравственных позициях в полноценном социалистическом обществе.

Да еще и занимающихся сурово уголовно наказуемыми деяниями.

Я продаю еще одну дорогую книгу за двадцать пять рублей и очень довольный спешу на вокзал, не забывая смотреть по сторонам, даже обхожу проспект Огородникова по Измайловскому, чтобы не встретиться с пострадавшим гопником и его компанией.

Довольный тем, что не случилось никаких проблем, тем,

что отлично расторговался без отсутствующих пока конкурентов. И еще тем, что понемногу навожу полезные связи среди своих собратьев по опасному бизнесу.

Глава 5 УДАЧНО ТОРГУЮ

Пробегая мимо здания и голубых ворот альма-матер, я вспомнил, что на этом самом месте, около памятника Лермонтову, когда-то случилась эпическая битва с непосредственным участием одного моего земляка.

Зеленый патруль в составе майора и пары сухопутных курсантов оторвался от приписанного места своей дислокации около Балтийского вокзала и опрометчиво прибрел сюда, где и обнаружил около памятника Михаилу Юрьевичу пару хорошо пьяных курсантов-подводников.

Естественно, старательно начал их писать и задерживать, не подозревая об опасности, нависшей над их беспечными головами.

В училище быстро замечают такой беспредел, сразу же реагируют должным образом, выбегая на помощь братьям, а впереди всех бежит мой земляк. Размахивая шпионеренной где-то учебной гранатой, перебежав Лермонтовский, он выдергивает чеку и бросает боеприпас в окаменевших при виде такой решительной атаки патрульных.

Что проносится в головах у них, у поддатых курсачей, у других парней, бегущих следом или у тех же гражданских, стоящих рядом на остановке – трудно себе представить в этот трагический момент.

Зато бравый майор, успевший повоевать в Афгане, мгновенно ориентируется в ситуации и рявкает: – Ложись!!!

Его подопечные, конечно, уже натренированы своей зеленой жизнью к исполнению команд не раздумывая, вовремя реагируют и бросаются на пузо около памятника. Граната хлопает имитационным запалом, набегает толпа не успевших ничего понять курсантов и вволю охаживает ногами оборзевший патруль.

Точно не знаю, что случилось дальше, наверно, что вмешалась милиция, один из пьяных курсантов так и не смог убежать с места преступления, его отправили потом на два года в дисбат. А моего земляка, храброго гранатометчика, просто отчислили из системы на Северный флот, и он восстановился в училище через год.

Похоже, что отец у него не зря служил на флоте много лет, смог помочь своему сыну-залетчику.

Кстати, патруль никого не опознал, все так быстро случилось.

Однако использованную уже один раз с пользой гранату нашли за укладкой моего земляка.

Как человек хозяйственный, он не стал оставлять валяться на земле уже использованный, однако, еще нужный в жизни учебный боеприпас.

Воспоминания об этой эпической истории пробегают в голове, однако постоянная работа по поводу произошедшего когда-то и снова собирающего случиться теперь ведется в

ней постоянно. У меня потихоньку снимаются какие-то пласты знаний, я вспоминаю, что перед днем смерти Генсека произойдет какое-то хорошо знакомое мне событие.

Такое трагическое, яркое и нестандартное для меня, значит я точно об этом происшествии читал в прессе.

Это я все пытаюсь вспомнить, постоянно пробегая по своей памяти с лета восемьдесят второго года до дня смерти товарища Брежнева Л.И.

Не так уж долго осталось до этого памятного дня, уже шесть с половиной месяцев я прожил в новой-старой эпохе заново, через примерно четыре месяца случится официальный траур по всему огромному Советскому Союзу.

Моя новая жизнь мне очень нравится, что само собой понятно.

Кто же не захочет прожить ее заново?

Думаю, нет таких, а если и найдутся, то – это уже их проблемы.

Чувствую я, это будет что-то такое, на что я могу повлиять в отличие от разрушения Советского Союза.

Какое-то знаковое событие.

Поэтому всю дорогу пытаюсь что-то вспомнить, пока неуловимо выскальзывающее из моей памяти.

На следующий день я снова набираю полную сумку уже более дорогих книг.

– Начну продавать и их подешевле, мне солить книги незачем, а вот деньги могут понадобиться для будущих по-

купок, – решаю я.

Перед поездкой в деревню я накопил уже шесть с половиной сотен полновесных рублей, потратил в деревне на туалетную воду от Лорана сотню, еще четвертной выплатил в качестве компенсаций и премии, то есть, осталось у меня около пяти сотен наличных.

Крутиться по мелочи – уже вполне хватает оборотного капитала, а вот на покупку чего-то серьезного придется заниматься у родителей. Поэтому желательно обменять почти все книги на денежные знаки, пусть и с немалым дисконтом.

Мое предчувствие говорит мне, что вот так свободно торговать около Ленинградского Общества Коллекционеров у меня долго не получится. Ведь граждане, искренне желающие создать мне побольше проблем скоро узнают, что я снова вернулся на прежнее место и что мне тогда ждать?

Ничего хорошего, как бы в тюрягу не загреметь.

Поэтому я снова еду на семичасовой электричке, появляюсь на месте в полдесятого и снова занимаю лучшую позицию в подъезде для осмотра окрестностей.

Снова не вижу конкурентов, спускаюсь и занимаю место рядом с тем же Вагифом, который радуется, обнаружив рядом своего помощника.

Он ничего не спрашивает, почему я выхожу из подъезда, наверняка думает, что я тоже снял здесь комнату.

Снова один из парней собирает по рублю для внешней охраны, потом я подхожу к нему и вижу интересный для ме-

ня диск со славной группой «Sweet» и что самое хорошее – это опять избранное, а не какой-то отдельный концерт.

Именно концерт я бы не стал покупать без прослушивания, а вот с избранным творчеством группы могу рискнуть. Есть у них несколько забойных песен, насколько я помню, поэтому имеется коммерческий смысл купить диск.

– Почему? Для своих? – интересуюсь я довольно небрежно и слышу, что за диск просят сто двадцать, однако своему человеку отдадут за сотню.

Придется думать, сумма солидная и то, что удастся хорошо заработать на диске – я не совсем уверен, в любом случае хорошо бы сторговать его хотя бы за восемьдесят рублей.

Два с половиной часа торговли пролетели быстро, теперь я не так тщательно рассматриваю каждого заходящего в наш уютный дворик, понимая, что толпу милиционеров в форме с собаками наши добровольные часовые не пропустят никак.

Сегодня продажи упали в количестве, зато выросли в качестве, четыре книги принесли девяносто рублей, и я снова очень доволен выездом в город.

Тем более, что смог продать один флакон туалетной воды за сорок пять рублей.

По привычному уже маршруту обхожу место, где меня могут встретить жаждущие мести гопники. Я сегодня не видел мужиков-конкурентов, думаю, что заметив меня здесь, они точно придут поискать свои книги среди выложенных передо мной. Тут их ждет облом, почти все трофейные издания

я уже продал, от них осталась всего одна книга и докопаться именно до нее у них вряд ли получится.

Хотя это как знать, было бы желание.

Я, конечно, немного вырос, заматерел, стал гораздо серьезнее в ударной технике, да и новый дрын, заместитель за-служенного, стоит у меня за спиной, однако как поведут себя обиженные мужики – не могу предсказать.

В любом случае они должны дойти до меня, посмотреть ассортимент и потом уже вызывать кого-то из группы поддержки и наказания или сами попробовать что-то мне пред-явить серьезного.

Вряд ли посмотрят издалека и побегут вызывать поддержку, точно захотят сами засветиться, чтобы наглядно показать мне потом, от кого я получил жизненную оплеуху.

Перекусил перед электричкой снова за Балтийскими банями, в той самой классически советской котлетной, не удержался от такого удара по оголодавшему организму истекающими жиром котлетами. Смыл осадок парой стаканов сладкого кофе и как раз уселся в электричку, чтобы спокойно ехать, перечитывая очередную книгу.

Теперь пора съездить в Ленинград в будний день, чтобы подать документы в училище, отторговать еще одни выходные и потом я снова собираюсь в любимую деревню, уже купил билеты на начало августа.

Дома меня снова поджидает отец, чтобы рассказать, как прекрасно живетсЯ офицерам в позднем социализме, какие

они получают льготы от государства и как их любят девушки.

В общем все то самое, о чем я знаю досконально и в чем совсем не разбирается он сам, ориентируясь на понятия начала шестидесятых.

Приходится вступить в дискуссию с ним, чтобы раз и навсегда объяснить отцу, что нет никакого смысла объедать государство, поэтому занимать чье-то место в военной системе я не стану:

– Папуля. Кончай мне рассказывать о том, что ты хочешь сам. Я тебе уже десять раз говорил, что это не мой путь теперь. Сколько можно повторять?

Эх, как мне тогда не хватало этой уверенности в себе в том прошлом.

– Ты, вон, сам не смог удержаться на службе отличником и старшим сержантом? Не смог, – подначиваю я его.

– Да офицер попался принципиальный в электричке, когда я от матери возвращался из самоволки, – сокрушается отец.

Однако теперь я знаю, чем могу поддеть его:

– Ну, а допустим, отпустил бы он тебя, ты бы закончил службу отличником БП и ПП, старшим сержантом, потом еще пять лет учился бы в Минске. Получал бы десять рублей денежного довольствия в месяц, и что ты думаешь – мамуля стала бы тебя ждать эти пять лет? Ждать, когда тебя в отпуск два раза в год отпустят? Если ты экзамены сдашь?

Отец молчит, это у него достаточно слабое место в планах.

– Нет, конечно! Так что радуйся, что залетел в самоволке, и я у тебя появился по жизни, да еще с моей сестрой. А так выпустился бы молодым лейтенантом в двадцать семь с лишним лет, поехал бы в сопки или тайгу служить. В эти самые годы у тебя уже появились дом и семья, вполне хорошая работа. Училище хорошо заканчивать, совмещая его со срочной службой, а никак не после ее полного срока, это однозначно.

Отец все-таки не сдается, продолжает меня уговаривать не уходить из школы.

Я не выдерживаю и приоткрываю ему наше будущее немного:

– Мне сон приснился, что через десять лет закончится Советская власть и все очень сильно в стране поменяется.

Потом смотрю на его потрясенное лицо и прикладываю палец к губам:

– Только об этом сне никому. Это только сон, однако с большим значением.

– А что же будет дальше? В твоем сне об этом говорится? – отец серьезно встревожен.

То ли от такого известия, а, скорее всего, от явной неадекватности сына

– Да смутно так, не понять особо ничего, – прекращаю я разговор, потому что смысла дальше что-то рассказывать нет.

Только родителей зря расстраивать, сейчас они еще могут

отмахнуться от моих слов, только десятое ноября уже не так далеко, точно не за горами.

Ведь нет ничего похожего на улицах или в головах простых людей. Это с приходом Горбачева, лет через шесть от наших дней появятся первые ростки перемен. По внешнему виду уже намекающие на какие-то косметические изменения в стране.

Вечером гуляем с Жекой по городу, встречаем Олега с приятелем и дальше идем вместе, травим анекдоты и смешные случаи на каникулах.

Вскоре на длинной прямой мимо Белых Песков встречаем Юлечку с новым парнем, ее лучшая подруга со своим тоже здесь. Я думал просто обменяться кивком со своей бывшей подругой, однако она старательно отворачивается в другую сторону и не видит меня в упор.

Все-таки, зараза какая! Кто научил ее целоваться повзрослому? Кто уберег от возможности стать женщиной? Когда она еще оказалась не готова к этому?

Ладно, придется напомнить девушке о моем существовании громким голосом:

– Добрый вечер, Юля!

– Привет! – слышу я от нее в ответ, и мы проходим дальше.

Оглядываясь назад, Жека замечает, что старшеклассники или кто они еще, остановились и похоже, что новый парень Юли хочет что-то доказать и предъявить малолеткам. Од-

нако сама Юлечка активно уговаривает его о чем-то, плотно прижимаясь грудью к парню с просительным выражением красивого лица, и он раздумывает нас догонять.

– Эх, Игорь, как ты умудрился прощелкать такую девчонку! – сокрушается Олег.

– Ничего, старина, даже самая красивая восьмиклассница, пардон, уже почти девятиклассница, все равно не может дать больше, чем у нее есть, – глубокомысленно по-философски замечаю я.

И парни впадают в задумчивость, пытаюсь понять, что именно я имею в виду.

– Опытному парню, – добавляю я.

– Ничего, Олег, будет и у тебя шанс пожить с такой шикарной девчонкой! – обнадеживаю я парня. – Я тебе обещаю!

Да, он будет этот шанс, скорее всего, только – это старая любовь не ржавеет, а вот обладательница негласного титула – Мисс- 82 четвертой школы достаточно сильно к тому времени потеряет как во внешности, так и в репутации.

– Игореха, ты здорово раскабанел за последнее время, – замечает Олег, который давно уже меня не видел.

Здорово, это не то слово! Добавить восемь кило боевого веса, почти не изменившись в росте – это однозначно настоящий подвиг для такого бывшего дрища.

Я иду в своей фирменной футболке и кое-какие бицепсы вылезают из ее узких рукавов, да и вообще я стал зримо крупнее. Не удивлюсь, если и это одна из причин, поче-

му новый Юлечкин ухажер довольно быстро передумал догонять нас.

Был бы я в прежнем весе и сложении, обязательно бы вернулся спросить, кто я такой, чтобы так нагло здороваться с его красивой подругой.

Естественно и сама Юля знает, чем ему это грозит, поэтому не собирается смотреть на очередное уничтожение авторитета теперь уже своего нового парня.

Гуляли допоздна, даже Саню Кирпоноса встретили около ДК, как всегда с хорошенькой подругой. Кивнули друг другу уже как старые приятели:

– Игорек, ты будешь в понедельник на трене? Есть что новое? – интересуется главный авторитет обоих ПТУ нашего города.

– Куплю новый диск на следующей неделе, только, – подумав, отвечаю я, – кассета нужна нормальная. Или хотя бы МК-60.

Саня кивает, показывая, что понял насчет кассеты.

– Ну, точно у кого-нибудь в путяге отберет, – понимаю я. – Хотя, какая мне разница?

Всю неделю я усердно надрываюсь в зале, а в свободное время пишу бобины с магнитофона уже Жеки. Ему тоже купили такую Астру-209 как у меня, теперь меньше проблем с перезаписью, советский тяжелый магнитофон сейчас только до соседнего дома приходится носить.

Продал за это время семь бобин, записал на купленную

кассету свои диски и готов к поездке в ЛОК. Правда на некоторые пришлось в цене уступить. Продавать приходится только по семь рублей сверху, про такие более справедливые цены мне уже настойчиво говорят покупатели. Пора бы еще ассортимент записей расширить как следует, только дисков не напасешься новых, проще с тех же бобин или фирменных кассет музыку писать.

Демпингует кто-то в городе, впрочем я и сам понимаю, что цена у меня слишком высокая для уже солидно распространенного в нашем обществе меломанов альбома.

Однако пришлось мне еще раз прокатиться почти вхолостую в Ленинград, подавать документы в приемную комиссию новой альмы-матер положено строго в приемные часы, как я узнал в объявлении на информационной доске училища.

Ох и трудно живется без интернета советским гражданам, как впрочем и всем остальным.

Посидел в небольшой очереди среди почти одних девчонок, переглядываясь с самыми смелыми и уже созревшими к взрослой жизни. Познакомился с парой нормальных парней, которые решили сделать желание и умение готовить своей профессией по жизни.

Комиссия приняла мое свидетельство о рождении, аттестат за восьмой класс и здорово удивилась, что такой почти хорошист хочет учиться по профессии повар-кондитер.

– У нас в группах почти одни девочки. Ты сможешь с ни-

ми общаться нормально? – явно заметно, что кто-то из преподавателей, осуществляющих прием, видя мои недешевые по нынешним временам обувь и футболку, считает меня мажором.

А мажоры в таких местах попадают только в училищах, которые готовят специалистов на суда, ходящие в загранку. Здесь в обычной путяге им делать вообще просто нечего. Поэтому присутствует определенное недоверие ко мне.

Я так и думал, что привлеку внимание этими вещами, однако переодеваться в сандалии и советскую футболку не стал. Лучше произвести на будущих сокурсниц сразу благоприятное впечатление, ибо самое первое впечатление – оно самое сильное.

– Конечно смогу. Я еще в школе библиотекарем работал, могу и здесь попробовать, – сразу я поднимаю ставки, чтобы развеять всякие сомнения насчет своей приличной сущности.

Библиотекарь – изначально воспитанный и приличный юноша, да еще комсомолец, о чем за меня дополнительно сигнализирует значок на лацкане пиджака.

– А зачем вам это надо, молодой человек, учиться и работать в женской профессии? – задает вопрос ничего такая преподавательница, блондинка со строгой прической и шикарным бюстом.

– Хочу научиться хорошо готовить, чтобы в армии поваром служить, – говорю я первое пришедшее в голову объяс-

нение.

Вполне и такое сойдет для начала.

Комиссия смеется моему объяснению и сразу зачисляет меня в группу к остальным парням, чтобы нам было с кем общаться между собой. Не только девчонок за косички дергать.

Еще я дохожу до ЛОКа, проверяю на всякий случай свои закладки, как это можно сказать про приготовленные пути к отступлению перед превосходящими силами противника в лице милиции и хулиганов с Рижского проспекта.

С ними все нормально, мои хлопоты над дверными ручками и чердачными дверями никто не обнаружил, можно не так сильно опасаться облавы как стоило бы.

Мои постоянные усилия напрягать память при любой свободной минуте дают свои плоды, я недавно вспомнил четвертую жертву маньяка и то, что в конце июля он убьет ее где-то около аэропорта Краснодара. Вот именно про это убийство я и отправил новые конверты в Шахты и Ростов-на-Дону, хотя это точно не их зона ответственности.

Рано или поздно я все-таки достану маньяка, хотя как я могу узнать об этом?

В следующую субботу я выезжаю уже не так рано, уже на семичасовой электричке, чтобы успеть к началу торговли и поспать побольше.

На старом месте меня уже ждет обрадованный Вагиф, я так же привычно скидываюсь на нашу охрану и расклады-

ваю восемь книг и флакон туалетной воды на хозяйственной сумке.

Хорошо, все же, когда попадаешь в сообщество, где многие уже признали тебя своим, таким же закоренелым нарушителем суровых законов.

Таким же рискованным парнем, готовым поставить свою свободу на кон ради хорошей прибыли.

Сегодня торговля идет так себе, так и товар у меня дорогой весь, продаю за час две книги и туалетную воду на общую сумму в девяносто рублей. Когда замечаю, что на толкучке наконец-то появились мои конкуренты. Это те мужики с книгами, с которыми я еще не познакомился.

Они по очереди подходят ко мне, изучают мой ассортимент, спрашивают цены, не пытаясь притвориться случайными покупателями, тем более, что здороваются с тем же Вагифом, как старые знакомые.

Я говорю ценники на книги повыше, чтобы не расстраивать мужиков недобросовестной конкуренцией, однако слежу за ними теперь пристально, понимая, что они точно не мои друзья. А вот с конкурентами с Рижского проспекта они раньше мило общались, как старые хорошие знакомые.

Через десять минут один из них исчезает на пять минут, только до этого обходит нескольких знакомых и спрашивает у них, как я понимаю, наблюдая издали, какую-то мелочь. Один из мужиков достает ее горсть из кармана, встряхивает ее понятным жестом, после чего конкурент поднимает с его

ладони пару монеток.

– Ну, точно, звонить из автомата кому-то пошел, – понимаю я.

Вопрос только в том, кому он звонит?

Сразу в милицию, в местное отделение или все же сначала моим конкурентам? Появляется настойчивая мысль пойти за ним следом и я, прихватив свое добро, выхожу из двора и на улице около ближайшей телефонной кабинки вижу этого дядьку, ожидающего в очереди.

Он постоянно крутит головой, высматривая сотрудников в форме, как мне хорошо видно, пока подойти к нему и послушать разговор у меня точно не получится.

Спалит меня сразу.

Впрочем, дождавшись своей очереди и дозвонившись куда-то, он терпеливо ждет, пока абонента позовут к телефону. Я пока приближаюсь к нему на пять метров со спины, оставаясь около прохода во двор.

Чего мне стесняться своего интереса, я могу так же ждать в очереди к уличному телефону, как и всякий другой гражданин.

Приближаюсь еще на пару метров и слышу, что вызываемый абонент поднял трубку.

– Сергей, ваш молокосос появился на туче! Стоит рядом с Вагифом! – слышу я слова мужика, которому приходится говорить громко из-за шума проезжающих в это время уборочных машин.

– Хорошо, присмотрим за ним! – опять хорошо расслышал я и мужик кладет трубку, поднимает голову, потом оборачивается и видит меня в трех метрах от себя.

Сначала он немного опешил, нервно дернул головой, потом взял себя в руки и вызывающе уставился на меня.

Мол, чего ты мне сделаешь?

Ну, сделать бы стоило, только это они между собой приятели, а им я всем чужой. Что тут можно требовать с посторонних для меня мужиков? У них ко мне претензий никаких нет, кроме того конечно, что я им прямой конкурент. Зато у приятелей точно немало есть, хотя бы за собранные книги или пострадавшего от меня серьезно соседа.

Которого они, получается, подставили не по-детски под какого злобного маньяка, избивающего первых встречных огромным колом, даже не дожидаясь какой-то агрессии.

Мужик уходит, не дождавшись от меня никаких враждебных действий или слов, я не хочу плодить лишних врагов на толкучке, да и не по рангу мне самому нападать на взрослого мужика. Пусть и с дрыном в руке, который пока остался стоять около Вагифа.

Так получилось, что я уже немало где наследил и все по серьезному.

Придется свои желания и порывы держать в узде и сначала посмотреть, что предпримут предупрежденные о том, что я здесь появился, конкуренты.

Сразу же вызовут знакомого милиционера или побитого

гопника, или все же сначала проверят сами, чьими книгами я сейчас торгую.

И нельзя ли с меня получить какого-то отступного?

Поэтому я возвращаюсь на прежнее место, стою там еще десять минут, торгуя без результата. Потом, дождавшись, когда оба конкурента оказались заняты с покупателями, я скользнул за дверь подъезда, шепнув Вагифу, что отойду на минутку.

Там опять же занял наблюдательную позицию на площадке между этажами, ожидая всяких сюрпризов после звонка о моем появлении.

Так получается, что после того памятного дня облавы у меня накопилось двадцать восемь книг, сейчас я продал пятнадцать из них, получается, что уже больше половины.

Это – отличный результат, тем более, что еще два флакона туалетной воды принесли чистыми сорок рублей прибыли.

Так что за два с половиной торговых дня я продал большую половину книг, теперь можно снова взять передышку в опасной деятельности.

Еще через двадцать минут, я засек по наручным часам, появились оба мужика с Рижского проспекта, похоже по внешнему виду, что они часть дороги бежали бегом. Встали пока за пристройкой и пытаются отдышаться, держась за саму пристройку.

Вот они сейчас обломаются, когда поймут, что меня здесь уже нет.

И приятели им не смогут помочь, не заметили они, занятые своей торговлей, куда я делся. Вагифа я предупредил, что не стоит никому рассказывать, что я спрятался в подъезде.

Только спуститься все равно придется, наверняка и те, и другие решат, что я ушел в подъезд. Этот, в котором я сейчас стою, точно проверят до самого чердака.

А чего мне прятаться? Совесть моя кристально чиста, во всяком случае, по отношению именно к ним.

Хорошо бы услышать, о чем хотят переговорить со мной бывшие компаньоны по нашему нелегкому бизнесу.

Может, ничего такого особенного?

Глава 6 СНОВА ВОЮЮ НА РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Поэтому я еще раз просматриваю книги в своей сумке, нахожу последнюю из трофейных и быстро перелистываю именно ее. Ищу какие-то знаки, по которым конкуренты могут опознать свою собственность, ничего не вижу, но решаю все же не рисковать с ней. Даже просто знакомая обложка возбудит мужиков еще сильнее, начнут с удвоенной силой требовать возмещения.

Поэтому оставляю книгу лежать на чердаке, выдернув и вставив обратно для этого один из дверных штырей.

Сто процентов, что они ее узнают, тогда начнут горячо доказывать, что это их собственность, что книга принадлежала раньше им.

А зачем мне это нужно? Давать лишние козыри и поводы

в споре, где больше решается на голосе?

Придется на попу сажать интеллигентов с Огородникова. Не так и плохо для репутации, однако в торговой среде это ни к чему, сразу побегут в отделение заяву писать. Или просто к знакомым ментам.

Совсем это не нужно, лишние крики и еще более испорченные отношения с известными на толкучке людьми. Авторитета они здесь никакого особого не имеют, только и я, в своем еще юном возрасте, его тоже не имею.

Да и вообще, эта толпа во дворе еще не сплотилась в устойчивое сообщество, хотя задатки к этому уже имеются. Разгоняют ее слишком часто, очень уж тут место удобное для облавы, соседнее отделение милиции квартирует на проспекте Декабристов, всего в девятистах метрах от народно собрания активных спекулянтов.

Да, умело большевики приписали к своим предшественникам и соратникам обычных дворян, никоим образом не задумывавшихся о союзе с трудовым крестьянством и передовым пролетариатом. Которого тогда еще и в помине особо не имелось. Нашли себе союзников и предтечей, эту мантру про то, кто кого там разбудил, я усердно учил еще в школе.

И потом освежал в голове на истории КПСС.

Если только я хороший авторитет заработал у самих конкурентов, когда они разглядели пострадавшую голову своего гопника. В этом случае могу спокойно с ними поговорить.

После этого я выглядываю в окно, вижу, как немного рас-

терянно топчутся около Вагифа мои конкуренты, рассчитывавшие сразу же встретить меня. Быстро спускаюсь вниз, открываю дверь и встаю на свое торговое место, не спеша вытаскивать книги из сумки.

Стоило бы спровоцировать мужиков на какие-то действия, чтобы проверить, чем мне это лично угрожает по максимуму.

Дрын ставлю себе за спину, как бы со значением, тем более, что мужики уже хорошо знакомы с последствиями его работы на своем знакомом пацане.

Увидев меня, выскочившего с невозмутимым видом из подъезда и не обращающего на них внимания, оба мужика зримо обрадовались, сразу приступили ко мне с суровыми, как им кажется, лицами.

Правда по присущей им врожденной интеллигентности сначала поздоровались с потенциальным похитителем своей собственности:

– Добрый день. Мы хотим обсудить вопрос о компенсации за наши книги.

– Добрый то он добрый, только далеко не всем будет, – солидно отвечаю я. – Какие еще книги? Почему ваши?

Чего мне переживать? Так я показываю всем своим видом, хотя понимаю, что не только от конкурентов я разжился брошенным товаром. Впрочем сам сержант только книги мог разглядеть, все остальное уже я спрятал в пакете до того самого напряженного момента погони.

Так что, что там лежало на земле и что я еще забрал – одному Богу известно.

Ну и соседям по дому еще, только, что там кто рассмотрел и кому из местных торгашей рассказал – тоже мне не угадать.

Поэтому и четких претензий не должно больше иметься в мой адрес, если только от мужиков-конкурентов. А они могут узнать этот момент только от милиции, если вступили с ними в какие-то отношения, значит – стучат органам.

Что очень не одобряется остальными торгашами в принципе, хотя каждый спекулянт оказался бы совсем не против завести такие особые, доверительные отношения с нашими все контролирующими органами.

Ну, пытающимися честно все охватить и контролировать. Мужики оба разные, один совсем интель, второй понаглее, вот он и пытается наезжать:

– Забрал наши книги – верни их пожалуйста!

– И что, ты мне даже спасибо скажешь? За то, что сохранил их для тебя? – подпускаю я язвительности в голос. – А откуда ты знаешь, что книги я забрал? Тебя же в этот момент в автобус паковали? Я все хорошо из своего подъезда видел. Может тебе менты рассказали об этом? А ты им что рассказал про нас всех взамен? – и я обвожу руками весь двор, внимательно прислушивающийся к моим словам.

Сразу же ставлю под сомнение слова мужиков, хотя они эти сведения могли получить не только от ментов, а просто от всех свидетелей.

Ну, пусть тогда сошлются на этих свидетелей, пусть назовут, кто они такие, тогда и разговор пойдет по-другому.

Только, кажется мне, что не догадались они придумать ничего заранее и поэтому молчат вдвоем.

– Так что, если есть свидетели, пусть приходят и рассказывают, что они видели. А если нет, или по ментовским сводкам информация получена, тогда – идите на хрен! На хутор бабочек гонять! – жестко подвожу я мужиков к одному из двух вариантов.

Или попытаться мне морду набить и забрать книги, или просто уйти, собираясь отомстить потом с помощью звонка теперь знакомому оперуполномоченному. Или горящему местью соседу.

Один сразу сдулся, понимая справедливость моих слов, второй попробовал было уцепиться за мою сумку, только я отступил и положил руку на дрын. Показываю, что следующим на скорой помощи зашивать будут именно его.

Оно и понятно, что мужики интеллигентные, не быки какие-нибудь, наезжать не умеют и даже не знают, что это такое.

– Вах, есть, что сказать – говорите! Если нет, уходите! Не мешайте работать! – эта поддержка от соседа-азербайджанца мне очень помогла морально, уж он то чувствует, за кем правда.

За его помощником в нелегкой спекулянтской жизни, вот за кем она сейчас однозначно.

Я ему нужен здесь, а они – уже нет, раз не торгуют больше.

Сам я предусмотрительно не стал развивать такой не очень понятный моральный аспект с тем, что книги остались лежать на земле и брошены с испугу.

Значит, они – ничьи!

Это по всем понятиям. Бери, кто хочет, тут ничего предъявлять не положено. Хочешь предъявить – имей силу, чтобы сделать это со всем внушением.

Только, если бы их забрали менты, никто бы и слова не сказал. Или если бы я оказался здоровенным жлобом весом в сто двадцать, а лучше в сто сорок килограммов. Да хотя бы в восемьдесят кило.

Пока я не очень крупный подросток, такие варианты я буду встречать гораздо чаще, чем хотел бы.

Сейчас торговый народ с любопытством прислушивается к нашим прениям, не стараясь особенно влезать в чужие дела, только Вагиф четко обозначил свою позицию.

Книги я не достаю из сумки, незачем провоцировать мужиков и вскоре они уходят, пообещав мне напоследок, что я сильно пожалею в будущем.

Была у меня идея – немного поделиться с ними наличностью, чтобы не мешали торговать. Однако серьезно подумав, я все же решил, что не достойны мужики моей доброты. После того, как наслали гопников по мою душу, так же могут все равно ментам стукануть.

Я-то думал выдать им пару десятков для заключения мира,

однако понимаю, это будет просто бесполезная раздача денег и невольное признание своей вины.

А мои уже старые конкуренты точно не успокоятся, лучше не питать иллюзий по этому поводу. Поэтому далеко отпускать я их сейчас не собираюсь, пройду за ними следом. Посмотрю издали, что они собираются сделать теперь, когда получили обидный отлуп, даже специально их спровоцировал.

Пусть сделают что-то прямо сейчас, чем я буду ожидать проблем, подгорая на медленном огне.

Я вышел за ними с хорошим промежутком по времени, стараясь держаться на таком расстоянии, чтобы они не заметили меня, сам едва видя их фигуры с большого расстояния.

Мужики не стали ломиться в первую попавшуюся телефонную будку, дошли до Садовой, там повернули на площадь Тургенева, где дошли до ее центра и заняли следующую будку, из которой совершили короткий звонок. Не больше, чем на двадцать секунд.

Я уже добежал до угла, из-за которого могу разглядеть, что они делают на площади.

Хорошо, что мои недоброжелатели, врагами я еще не называл бы их, не подозревают о продуманной работе моего взрослого ума. Наивно думают, что я остался беззаботно торговать на толкучке и радоваться тому, как я их легко отшил со всеми претензиями.

После чего быстро выскочили из нагретой под лучами

солнца будки и пошли в сторону своего будущего Рижского проспекта, не стали возвращаться во двор и наблюдать за мной до конца.

Похоже, что не хотят своим присутствием как-то подтвердить, что стучат органам.

Теперь уже мне стало интересно, кому они позвонили, а узнать это я могу вообще без риска для себя, если займу позицию напротив входа во двор, где ведется торговля.

Можно и в самом дворе приватизировать место для наблюдения в подъезде, однако тогда есть ненулевой вариант, что меня заметят те же мужики, торгующие книгами. Они или еще кто-то могут показать, где я спрятался, в каком именно подъезде. Придется тогда пользоваться чердаком, заматывать следы и палить свои секретные пути эвакуации.

А это уже лишняя, никому не нужная суматоха.

Да и с моей новой позиции все будет отлично видно, миновать вход во двор не получится ни у кого, я разгляжу все происходящее в тридцати метрах от меня через дорогу очень хорошо.

Что я и делаю, возвращаюсь к ЛОКу, захожу во двор дома напротив, где занимаю позицию в парадной на втором этаже за сильно грязными стеклами.

Через минуту наблюдения я постепенно идентифицирую обоих мальчишек-наблюдателей, один стоит на углу Лермонтовского и Римского-Корсакова, выглядывая из-за дома на проспект, второй – пасется рядом с Крюковым каналом.

Оказывается, есть еще и третий парень в наблюдении. Он топчется перед входом во двор и постоянно крутит головой, ожидая сигнала от выставленных подальше наблюдателей, своих приятелей по дворовой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.